

В каком времени ты настоящая?

МАРИША КРАМЕР

ЗАКОН ЕЕ ПРОШЛОГО

Марина Крамер
Закон ее прошлого
Серия «По прозвищу «Щука»», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26709033
Закон ее прошлого: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-088805-4

Аннотация

Адвокат Варвара Жигульская возвращается в Москву после нескольких лет мирной жизни во Франции. Все здесь против нее: воспоминания, обстоятельства, сны, старые поклонники и новые клиенты, погода и, кажется, даже родная бабушка, так и не простившая внучке разрыв с блистательным мужем. Но обратного хода нет – победить прошлое можно, только пересилив его, отняв у событий десятилетней давности власть над собой...

Содержание

Глава 1. Королева в добровольном изгнании	5
Глава 2. Париж	21
Глава 3. Планы на будущее	44
Глава 4. Возвращение	51
Глава 5. Новая старая жизнь	65
Глава 6. Снова в деле	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Марина Крамер

Закон ее прошлого

© Крамер М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1. Королева в добровольном изгнании

Нет ничего, с чем не смог бы справиться человек, даже среди вещей, которые кажутся невозможными.

Ямомото Цунэтомо «Хагакурэ. Книга вторая»

Как люди добровольно соглашаются всю жизнь прожить не там, где родились?

Этот вопрос я задаю себе каждое утро, едва успеваю открыть глаза и увидеть стену спальни, оклеенную обоями в мелкий цветочек. Наступает очередной длинный день, похожий на вчерашний и на завтрашний, и мне снова нечем себя занять. И вокруг чужая страна, чужие люди и чужой язык, на котором я даже приучила себя думать. Все чужое. Я закуриваю сигарету из пачки с надписью на французском, пью кофе у открытого окна в кухне, если тепло, и с улицы доносится чужая речь. Пахнет выпечкой из ближайшей булочной, и здешние багеты совершенно не напоминают по вкусу те, что я покупала там, дома. А я даже не могу сказать, вкуснее ли они, потому что все чужое стало вызывать у меня отвращение и тоску.

«Я больше не могу здесь жить».

Эту фразу я пишу на листке лежащего передо мной блок-

нота, в котором рисую печальные собачьи морды, напоминающие мне соседского бассет-хаунда, обреченно плетущегося вслед за хозяином на ежедневную утреннюю прогулку. Я сама как этот несчастный бассет, вынужденный быть там, где он не хочет.

Чуть больше трех лет назад я была успешным московским адвокатом, специалистом по строительному праву и недвижимости, владелицей известной адвокатской конторы, в которую предпочитали обращаться все крупные инвесторы, застройщики и те, кто мало-мальски связан с этой сферой. Я имела имя и репутацию, деньги и определенную власть, вокруг меня всегда были мужчины – видные мужчины с хорошим положением и банковскими счетами в твердой валюте. Мужчины, готовые положить к моим ногам все, что я захочу. Я ничего не хотела – могла все позволить себе и так, без вмешательства извне. У меня было все. И даже крепко приклеившееся в среде коллег и клиентов прозвище «Щука» не вызывало никаких отрицательных эмоций. Теперь у меня – открытое окно кухни, тихая улочка небольшого французского городка, печально бредущий за хозяином бассет-хаунд и одиночество. Какое-то безысходное, щемящее одиночество, доводящее меня порой до мыслей о суициде.

Почему я не еду домой, в Москву? Меня ведь здесь ничего не держит. Но проблема в другом... Здесь ничего не держит, а там никто и ничто не ждет. Мне почти сорок, а у ме-

ня ничего нет, кроме кучи денег на счетах. Кто там говорил, что деньги дают возможность быть счастливой? Ага, как бы не так...

Самое ужасное, с чем мне пришлось столкнуться здесь, это недостаток общения. Я, в общем-то, не слыла любительницей шумных компаний, однако, оказавшись лишенной возможности пойти в кафе с подругой или просто провести вечер с какими-то приятелями, почувствовала сперва дискомфорт, а затем и панические атаки, настигавшие меня с наступлением вечера или – не дай бог – праздников. Мое общение с соседями ограничивалось утренними приветствиями и дежурными вопросами о погоде или каких-то насущных проблемах нашей улицы, и этот суррогат невозможно считать чем-то полноценным. В Москве у меня была подруга Аннушка Вяземская, адвокатская контора и разнообразные поклонники с интересными предложениями, здесь же – только деньги, на которые, как известно, друзей не купишь. Вяземская приезжала ко мне лишь однажды, мы провели две недели на Лазурном Берегу, и это были самые счастливые дни с тех пор, как я уехала из России.

Кого я собиралась обмануть этим отъездом? Попытка избавиться от призраков моей прошлой жизни, пора признать, провалилась с треском. Я оказалась не готова расплачиваться за это тотальным одиночеством, мне мучительно каждодневное безделье и праздность, я иначе устроена и не могу так жить. Со стороны, наверное, мои рассуждения выглядят

бредом – как можно, сидя в собственном доме на юге Франции, добровольно рваться в Москву, но тот, кто столкнулся с одиночеством в чужой стране, думаю, понял бы меня.

Причины жить во Франции у меня имелись довольно веские. Процесс по делу строительного магната Невельсона, убившего свою жену с особой жестокостью, был завершён два с половиной года назад, вина доказана, Невельсона признали виновным и отправили за решетку на пятнадцать лет. Не скрою, я приложила руку к тому, чтобы судили его в России, а не на родине, в Англии, а потому, прочитав о приговоре в Интернете, испытала злорадное удовлетворение. Этот мерзавец убил не только собственную жену, но об этом мне до сих пор больно вспоминать. Зато теперь – и в этом я была совершенно уверена – долгих пятнадцать лет мое имя будет вызывать у господина Невельсона мурашки, холодный пот и нервный тик, я позаботилась и о том, чтобы он узнал, кто помог ему так неудачно сесть. Мести с его стороны я не боялась – амнистии по его делу можно ждать годами, а больше никаких шансов выйти досрочно он не имел. Наверное, никакая опасность мне больше не угрожает, да я и сразу не верила в то, что со мной может что-то произойти – все самое ужасное в жизни уже случилось.

Поддавшись порыву, я схватила телефон и набрала номер Аннушки. Та долго не отвечала, и я с опаской перевела взгляд на часы – так и не научилась мириться с разницей во

времени. Но нет, в Москве сейчас разгар рабочего дня, Аннушка должна быть в офисе.

– Алло! – раздалось наконец в трубке. – Ты чего, Жигульская, я ж работаю! Трезвонишь и трезвонишь, а я на совещании, и шеф новый как-то без восторга...

– Ань, прости, ради бога, я перезвоню позже.

– Нет уж! Я сбежала с совещания под вполне благовидным предлогом, сказала, что это моя больная матушка, поэтому теперь иду в кафе, а ты выкладывай, что случилось.

Определенно, даже с годами моя подруга не изменилась, иллюстрируя своим существованием расхожее мнение, что часто возраст приходит один, не прихватив с собой мудрость. Аннушка была самым легким человеком из всех, что попадались мне в жизни. Она совершенно не умела обижаться, легко относилась к колкостям в свой адрес, не принимала близко к сердцу неприятности и вообще жила как птичка колибри – без забот. Мне иногда очень не хватало ее умения не анализировать каждую мелочь и не взвешивать то, что произносится вслух.

– Анька, у меня к тебе дело, – начала я.

– Еще бы! Когда ты звонила просто так?

– Не преувеличивай. Последний год я только и делала, что звонила тебе совершенно безо всякого повода. Но сегодня у меня на самом деле просьба.

– Выкладывай. Латте с миндальным сиропом, ореховое безе и минералку, – проговорила Аннушка и тут же добави-

ла: – Это, как ты понимаешь, официанту, а не тебе.

– Да уж догадалась. Ань, найди мне хорошего риелтора.

– Кого?

– Риелтора. Это такой специалист по недвижимости, знаешь? – не удержалась я, но Аннушка сарказма не уловила:

– Я знаю. Не понимаю только, тебе зачем московский риелтор?

– А не догадываешься?

– Нет. Хотя, погоди, ты что – совсем спятила? Не вздумай сделать это, слышишь? Жигульская, я тебе серьезно говорю – даже не вздумай!

– А ты что разоралась? Я всего лишь собираюсь купить квартиру в Москве.

– Ага – после того, как три года назад ты не совсем удачно продала две шикарных квартиры в центре, да? Ты нормальная вообще, Варька? Продала, купила, снова продала – заняться нечем?

– Абсолютно нечем, – подтвердила я, закуривая. – Ты ведь была у меня, и сама знаешь, как я провожу дни.

– Не понимаю, – почти сдалась подруга, – ты что же, собираешься вернуться в Москву?

– Пока не решила. Сперва хочу просто купить квартиру, чтобы было, куда приезжать.

– А бабушка?

– Аня, не начинай. Ты отлично знаешь, что останавливаться у бабушки я не стану под угрозой расстрела – после всего,

что она мне устроила.

– Злопамятная ты, Варька, столько лет прошло, а ты все обижаешься на то, что она твоего бывшего мужа покрывала с его внебрачным сыном.

– Давай оставим эту тему, пока обсуждение не зашло слишком далеко, – предостерегла я, и Аннушка послушно согласилась:

– Да как хочешь. Твоя бабушка, в конце концов, я-то чего переживаю?

– Действительно. Так что насчет риелтора – поможешь?

Аннушка задумалась на пару секунд:

– Попробую. Ты, конечно, в центр снова хочешь?

– Было бы неплохо. Только знаешь... что-то менее пафосное, чем у меня было. Нет, хорошо бы тоже дом со своей парковкой и огороженной территорией, но не такой огромный. Цена вопроса значения не имеет.

– Хорошо быть богатой вдовой, да? – весело ляпнула Аннушка и тут же осеклась: – Ой, Варь... прости, пожалуйста, я совсем что-то... не обращай внимания, а?

Я зажмурилась и изо всех сил вцепилась ногтями в бедро – это обычно помогало мне взять себя в руки и не разрыдаться. Самый быстротечный брак в моей жизни по злой иронии был заключен с человеком, которого я любила. Всего сутки я пробыла женой, превратившись в одночасье в богатую вдову крупного чиновника, вращавшегося «в верхах». Всего сутки... А ведь мы с Русланом могли быть очень счастли-

ливы и прожили бы все, что нам отмерено, в любви. Как оказалось, свыше нам были отпущены всего одни сутки. Всякий раз, когда думаю об этом, внутри снова начинают тлеть угли, причиняя невыносимую боль.

Я была замужем дважды – и оба брака окончились моим поражением. Но если из первых отношений я сумела выйти практически без потерь, хоть и с оскорбленной гордостью, то финал вторых до сих пор убивает меня точно так же, как тогда, на проспекте в Санкт-Петербурге, когда Руслан на моих глазах шагнул прямо под несущуюся на красный свет машину. Все можно пережить. Равно как и привыкнуть к мысли, что теперь ты снова одна. Нужно время и укромное место, возможно, еще и именно поэтому я уехала сюда, во Францию. Это очень одинокое дело – становиться вновь целой по окончании отношений. Когда они закончились, эти отношения, то к тебе словно возвращается та часть души, которую ты отдавала другому человеку. И пережить это новое ощущение приходится в отрыве от всех – только тогда процесс пройдет быстро. Да, безусловно, будет больно – очень больно, ведь это сродни хирургической операции – приживлять обратно часть души. Зато потом все снова станет как прежде, и ты будешь готова вновь отдать кому-то этот самый кусочек, пусть и немного меньший, чем раньше. Был бы адресат...

– Варь, – лепетала где-то там в трубку Аннушка, – Варь, прости меня. Ты ведь знаешь, что я сперва говорю, а потом уже думаю...

– Да при чем здесь ты, Аня... дело разве в тебе... в общем, поищи риелтора, буду очень благодарна.

– Конечно, я все сделаю. А... ты когда планируешь вернуться?

– Когда будет, куда возвращаться.

– То есть все от меня зависит? Чем быстрее найду, тем быстрее ты приедешь?

– Молодец, уяснила. Все, Аннушка, пей свой кофе, он уже наверняка остыл, а мне пора, – вздохнула я. – Мне срочно нужен променад на местный рынок.

Мы распрощались, я отодвинула от себя телефон и наконец позволила себе расплакаться.

Приходящая ко мне убирать дом раз в два дня Жанетт, разбитная веселая молодуха с румяным круглым лицом и тонкой талией, очень контрастировавшей с крутыми бедрами и пышной грудью, была крайне удивлена, когда застала меня рыдающей в кухне.

– Мадам чем-то расстроена? – присев на корточки и стараясь заглянуть мне в лицо, спросила она.

– Голова очень болит, – соврала я, вытирая слезы.

Жанетт поднялась и развила бурную деятельность, полезла в аптечный шкафчик, достала таблетки, налила воды в стакан, поставила все это передо мной на стол:

– Не нужно плакать. Пейте лекарство и непременно идите на воздух, не стоит сидеть в душном помещении. Посидите в саду, там на клумбе зацвели какие-то цветы, заметила, когда

шла к вам. Идите, мадам, а я пока сварю вам бульон – хотите?

– Лучше буйабес, – пробормотала я, вспомнив, какой чудесный рыбный суп варит Жанетт.

– Хорошо, мадам, и непременно чесночные гренки, правда? Вы ведь любите.

– Спасибо, Жанетт.

Я выпила таблетку, выбралась из-за стола и, захватив шаль и книгу, побрела в сад, окружавший мой дом со всех сторон. Я специально выбирала дом с садом, помня, как об этом мечтал Руслан. Не знаю, возможно, такой выбор приближал меня к нему хотя бы в мечтах. Я часто сидела в плетеном кресле под старым каштаном, чудом оставшимся здесь с каких-то незапамятных времен, как сказал мне риелтор, и растравляла себя мыслями о Руслане. Сад оказался прекрасным убежищем, успокаивавшим и навевавшим умиротворение. Вскоре я стала страдать чуть меньше, как будто горе мое немного притупилось. Но по-прежнему ночами во сне вдруг возникало лицо Руслана, и я вскидывалась с подушки, хватала сигарету, давилась табачным дымом и слезами и долго не могла уснуть, успокоиться.

Бесцельно перелистывая страницы книги и совершенно не видя текста, я сидела в кресле, завернувшись в большую расписную шаль – предмет нескрываемой зависти Жаннетт. «Надо будет ей из Москвы такую привезти», – подумала я и даже не удивилась тому, как буднично рассуждаю об этом – словно вопрос с поездкой уже решился.

– Хорошо, допустим, я купила квартиру, даже отремонтировала и обставила ее – это примерно полгода, не меньше, – начала я рассуждать вслух по-русски, словно опасалась, что кто-то может услышать меня здесь, в густых зарослях. – Допустим, даже приехала. Дальше что? Какая мне разница, где сидеть дома – здесь или там? Здесь хоть зимы такой не бывает. Правда, это не великое преимущество. Может, пойти к Димке Кукушкину, на работу попроситься?

Дима Кукушкин был моим партнером по адвокатской практике, и именно ему я переуступила контору, когда уезжала. Он, конечно, не сможет отказать мне, но вот только будет ли рад? Он же лучше других знает мои профессиональные амбиции и понимает, что с моим появлением... Хотя разве плохо, если с моим появлением в контору потекут новые-старые клиенты? Я не стану претендовать на партнерство, буду, так сказать, приглашенной звездой. А что? Это довольно неплохая идея – и денег мне, собственно, больших не нужно, чисто символический гонорар, ибо работать даром – даром работать, как было написано на табличке в кабинете одного моего знакомого отоларинголога. Но, конечно, Димочке нужно сперва позвонить и обсудить с ним перспективы такого сотрудничества.

Остается бабушка. Конечно, ей можно не сообщать о моем возвращении, но это как-то совсем уж... Я единственная внучка, мама моя – бабушкина дочь – давно живет в Швеции со своим забыла-каким-по-счету мужем. Бабушка силь-

но немолода, хотя еще довольно бодро и по-прежнему преподает в консерватории, хоть и всего три часа в неделю. Этот пробел в педагогической деятельности она с лихвой компенсирует вкладом в музыкальное образование сына моего первого мужа, известного композитора и дирижера Святослава Лемешинского. Вот такая случилась «Санта-Барбара» в нашей интеллигентной и даже слегка рафинированной семье. Светик завел любовницу, не переставая при этом жить со мной и искусно изображать любовь и иногда даже страсть, любовница родила мальчика, оказавшегося очень способным к музыке – с генами Светика немудрено, даже природа не отдохнула. Потом любовница погибла, и Светику пришлось заняться воспитанием сына самостоятельно. У нас детей не было и быть уже не могло – моя юношеская история с роковой любовью и неудачным абортom, а Светик, хоть и поддерживал мое убежденное нежелание предпринимать какие-то шаги в направлении деторождения, втайне, оказывается, мечтал о наследнике. Собственно, он его и получил – вместе с одобрением, покровительством и всяческой помощью со стороны моей бабушки, как на грех, тоже мечтавшей о правнуках. В итоге я оказалась в этом счастливом треугольнике совершенно чужой и ушла, разведясь со Светиком и рассорившись с бабушкой, воспитавшей меня практически с самого рождения. Со временем мы, конечно, помирились, но отношения уже не были прежними. Я даже из Франции звонила ей периодически, хотя и понимала, что делаю это

скорее для очистки совести. Что-то внутри так и не давало мне до конца простить бабушкин поступок. Восемь лет она знала о существовании Макара и молчала, не сказав мне ни единого слова. Сила воли плюс характер...

Характером я удалась все-таки в бабушку, и прямолинейность и упрямство можно считать нашими фамильными чертами. Но именно характер и дал мне возможность пройти через все, что выпало мне в жизни, и не сломаться, не изменить себя ни на йоту.

Принять решение всегда оказывается легче, чем приступить к его реализации. Вяземская, пообещав помочь, растворилась – ни звонков, ни писем. Обращаться же к кому-то из бывших кавалеров я не хотела принципиально, хотя и понимала, что мой вопрос в этом случае решился бы куда быстрее. Но проблема состояла в том, что за подобным обращением последуют обязательные в таких случаях моменты – приглашения на кофе, на концерт, в театр и пространные намеки на возобновление отношений, а к подобному я была не готова. Да и ни о ком из своих бывших, признаться, не вспоминала и не жалела. Так странно – с момента гибели Руслана прошло почти три года, и с тех самых пор я не завязала даже мимолетного романа. В Москве было просто не до этого, а здесь – не подворачивалось случая. Да и не хотелось никаких романов.

Удивительно, раньше я так мечтала об одиночестве, а, по-

лучив его, оказалась к нему не готова и никакой радости не испытала, как не испытала и расслабленности. Возможно, мешала необходимость общаться на чужом языке – даже в мелочах, таких, как разговоры с домработницей или с кассиром в супермаркете. Никогда прежде я не думала, что мне будет так сложно – не в плане языкового барьера, нет, с этим все было в порядке, а именно потому, что *нужно, необходимо* делать это. Но русской речи очень не хватало. Я пересмотрела уйму каких-то сериалов в Интернете, каких-то фильмов, заказывала книги из российских интернет-магазинов. Как будто боялась, что забуду язык... Изначально выбрав городок, в котором гарантированно не будет русской общины, я попала в собственноручно расставленную ловушку.

И – удивительное однообразие и постоянство вокруг. Такое впечатление, что я всегда знаю, что буду делать завтра, послезавтра, через неделю. Как знаю и то, чем будут заняты мои соседи и весь городок. Раньше мне казалось, что в суете и хаосе Москвы я упускаю что-то важное, что-то такое, без чего жизнь моя так и останется неполной, и, будь у меня чуть больше свободного времени и хоть какая-то упорядоченность, то все встанет на свои места. Ничего подобного. Когда я получила все это, оказалось, что суета и хаос – единственное состояние, в котором я могу жить нормально и чувствовать себя полноценной и нужной. А когда каждый новый день похож на прожитый и, что самое страшное, похож на те, что еще только наступят, жизнь начинает напоми-

нать кошмар.

Сегодняшнее утро обещало быть точно таким же, как вчерашнее и как то, что было, к примеру, две недели назад. Я проснулась и, едва открыв глаза, пошла к окну и распахнула его – светило солнце, в кроне дерева пела какая-то мелкая птичка, название которой я не могла определить, сосед со своим бассет-хаундом шел по обычному маршруту – к булочной, оттуда за сыром и обратно, к небольшому белому домику, окруженному кустами сирени. Когда все они распускались, от зрелища невозможно было оторвать глаз – белые, розовые, нежно-фиолетовые гроздья практически закрывали листву, и все это великолепие благоухало так, что мне казалось – даже моя кожа пропитывается этим ароматом и хранит его все время, пока сирень цветет.

Проводив соседа взглядом, я вышла в кухню, сварила кофе и с чашкой вернулась обратно, забралась в постель и придвинула пепельницу. Первая чашка кофе и первая сигарета за день – так начинались все мои утра, где бы я ни жила.

Вторую чашку я обычно выпивала, открыв ноутбук и просматривая новости и почту. Второе сейчас практически отпало – мне никто не писал. Однако сегодня что-то пошло не так, и в ящике светилось непрочитанное письмо. Я щелкнула мышкой и открыла его – это оказалась рассылка концертного агентства, в которую неведомо как попал мой адрес. Я бегло просмотрела афишу концертного зала Плейель, и сердце мое забилося – через три дня там будет выступать маэстро

Лемешинский со своим оркестром. Мой бывший муж Светик. В какой-то момент я начала верить в судьбу и знаки – потому что как иначе можно назвать происходящее? Случайное письмо, и в нем – афиша концерта бывшего мужа. Теперь я просто обязана попасть туда. В конце концов, Светик – главный дирижер отличного оркестра, исполняющего как классические, так и современные произведения, почему бы мне не отвлечься от своего полуовощного существования и не посетить концерт? Я не лично к Светику поеду. И даже встречаться с ним не стану – это ни к чему.

К счастью, мне и тут повезло – я успела забронировать один из трех оставшихся билетов. Это, правда, вышло в приличную сумму, потому что места остались только самые дорогие, но пусть. Нужно теперь найти отель в восьмом округе Парижа, где располагался зал Плейель, чтобы не ехать ночью домой. Наконец-то за долгое время у меня появится повод надеть вечернее платье и бриллианты и поужинать в Париже. И позавтракать, кстати, тоже.

Номер в «Принце Уэльском» тоже нашелся, это меня очень обрадовало. Определенно, сегодня был мой день. Может быть, все это везение – не что иное, как добрый знак, сулящий перемены в жизни.

Глава 2. Париж

Иногда мы очень страдаем, но проходит время, и прошлое со всеми его страданиями становится нам дорого.

Ясунари Кавабата

Я не впервые оказалась в Париже, но чувствовала себя так, словно этот город мне совершенно незнаком. Даже не знаю, в чем было дело – в настроении, в самочувствии или в ожидании предстоящего концерта и бывшего мужа за дирижерским пультом. Я приехала рано утром, оставила в отеле небольшой чемодан с платьем и туфлями и пошла бродить по городу.

В прежние мои визиты Париж казался почти родным, я довольно хорошо знала его и даже любила, но сегодня на меня навалилось какое-то неприятное чувство отчуждения. Раздражало все – уличные музыканты, шумные стайки молодежи, звуки трамвая и запах из подземки. Я не могла понять, что со мной. А больше всего взбесила афиша, с которой на меня смотрел Светик в черном фраке и белой манишке. Фотография была свежая, Светик выглядел отлично, только волосы совсем поседели. Но что-то появилось во взгляде... какое-то острое одиночество, которое невозможно спрятать от камеры. Даже не знаю, почему я вдруг так разозлилась. Ведь Светик был несчастлив со мной – так почему теперь,

когда меня нет в его жизни, зато есть сын, он выглядит таким одиноким и брошенным? Должен бы лучиться счастьем.

– Мадам, вы позволите? – раздалось за спиной, и я от неожиданности выругалась по-русски. – Простите, я испугал вас?

Сзади стоял средних лет мужчина в широком свитере крупной вязки и свободных коричневых брюках. На плече его висел этюдник.

– Я не хотел пугать вас, видимо, вы задумались, потому мой голос прозвучал так неожиданно.

– Я не люблю, когда ко мне подкрадываются со спины, – уже взяв себя в руки и испытывая некоторое смущение за мат и несдержанность, пробормотала я.

– Да, я как-то не подумал. Но у вас такой профиль, что я не смог удержаться. Если бы вы уделили мне немного времени...

– Вы хотите написать мой портрет?

– О, как вы удивительно правильно сказали! Написать!

Именно – написать, да!

У него был приятный низкий голос, обволакивающий, как кокон, и яркие синие глаза. Не знаю, почему, но я прониклась к нему доверием, чего обычно к незнакомцам не испытывала.

– Если вы уложите в полтора часа и не заставите меня идти в помещение, я готова.

– Какое помещение, как вы могли подумать! – прижав к

груди руки, воскликнул художник. – Мы выберем чудесную скамью где-нибудь на бульваре, вы удобно сядете, а я устроюсь напротив и в отведенное время напишу ваш портрет. Кстати, я забыл представиться. Меня зовут Луи. Луи Беррагон.

– Варвара. Можете звать меня Барбарой, если так легче. – Этим именем звали меня все соседи.

– Прекрасно. «Барбара, Барбара, Барбара», – пропел он. – Слышали такую песню?

– Нет.

– Это не страшно. Так идемте же, Барбара, искать скамью.

Он как-то аккуратно взял меня за запястье и увлек за собой. Не знаю, почему, но я послушно пошла следом, даже не думая о том, что совершенно незнакомый человек может оказаться вовсе не художником.

Но Луи – к сожалению или к счастью, уж не знаю – действительно оказался художником, к тому же хорошим, насколько мне позволяло судить об этом образование и детские годы, проведенные в походах в Третьяковку, Эрмитаж и прочие доступные музеи двух столиц. Усадив меня на ярко освещенную весенним солнцем скамью возле небольших постриженных кустов, он разложил этюдник и принялся смешивать на палитре краски из тюбиков. Я с интересом наблюдала за его уверенными движениями, в которых чувствовалась и любовь к тому, чем он занимается.

– Барбара, вы живете в Париже? Не возражаете, если мы

немного поговорим? Так легче работать.

– Не возражаю. Нет, я живу не в Париже, и даже не в пригороде.

– Что же привело вас сегодня сюда?

– Концерт в зале Плейель.

– О, вы любите классическую музыку?

«Нет, я когда-то любила дирижера», – едва не ляпнула я, но вовремя сдержалась.

– Да. Иногда очень хочется окунуться во что-то вечное.

– Интересное мнение. Нет, не опускайте подбородок, теряется угол.

Я приняла прежнее положение. Мне не было видно то, что появляется на листе, но по выражению лица Луи и его движениям я понимала, что он своей работой вполне удовлетворен. Он наносил мазки, отходил чуть в сторону и, прищурив правый глаз, критически смотрел на этюдник, возвращался и вносил какие-то правки.

– Не волнуйтесь, Барбара, с вами удивительно легко работать, мы уложимся в отведенные вами полтора часа, – сказал он, заметив, как я бросаю взгляд на наручные часы.

– Я в этом не сомневаюсь.

– Да? Обычно принято считать, что художники не в ладах со временем, не замечают его быстрого течения.

– Я не склонна мыслить стереотипами.

– Я почему-то так и подумал. Вы не производите впечатление женщины, склонной к банальностям. Мне кажется, вы

должны увлекаться чем-то нетривиальным. И работать тоже должны в какой-то неожиданной сфере. Я прав? – Он на секунду высунулся из-за этюдника, ожидая ответа.

Я пожала плечами:

– По поводу увлечений мне даже как-то неудобно... ничем особым я не увлекаюсь, разве что люблю читать. Работы у меня в данный момент нет, я в продолжительном отпуске, если можно это так назвать.

– А когда отпуск закончится, кем вы продолжите работать?

– Я адвокат.

– Неожиданно, – Луи снова вынырнул из-за этюдника и, прищутив глаз, окинул меня внимательным взглядом. – Я склонялся к чему-то более воздушному. Мне показалось, вы должны работать где-то в сфере искусства.

– Адвокатура тоже своего рода искусство, – улыбнулась я. – Ораторское. Согласитесь, умение убедить судью в том, что виновный вовсе невиновен, вполне достойно называться искусством.

Луи рассмеялся:

– Я согласен. Но все равно как-то неожиданно. И много дел вы выиграли в своей практике?

– Мне легче сказать, сколько я проиграла.

– Даже так?

– Именно так.

Луи покачал головой, одобрительно прицокнул языком и

снова погрузился в работу.

– Я рассказала вам о себе довольно много. Жду от вас такой же откровенности, – произнесла я, потому что молчать показалось странным.

– О, я... я художник.

– Я заметила. И где же вы учились?

– Немного поучился в Гранд-Шомьер, но почувствовал, что мне там чего-то недостаточно. Затем – Высшая школа изобразительных искусств. Много ездил, много смотрел, изучал что-то самостоятельно. Для художника очень важно научиться подмечать нюансы, видеть мелочи, то, что скрыто от взгляда обычного человека. И этому, конечно, не научат даже в лучшем учебном заведении.

Говоря это, Луи продолжал энергично работать кистью, нанося мазок за мазком. Мне нравилось наблюдать за ним, он вообще произвел какое-то позитивное впечатление, и от общения с ним у меня возникло чувство спокойствия и увлеченности. Мне на самом деле стало интересно посмотреть, как же видит меня посторонний человек, встреченный на улице случайно.

– Не волнуйтесь, Барбара, я уже заканчиваю.

– Я не волнуюсь. Вы ведь обещали уложиться в отведенное время, у меня нет причин сомневаться.

Луи отложил кисть за пять минут до обозначенного мной срока, еще раз осмотрел работу и удовлетворенно улыбнулся:

– Буду рад услышать ваше мнение.

Я поднялась со скамьи, чуть потянулась, чтобы размять затекшую от неподвижного сидения спину, и подошла к этюднику. С укрепленного на нем листа смотрела... я. Немного чужая, строгая и отстраненная, но все-таки я, Варвара Жигульская. Луи удалось уловить то внутреннее состояние, что сопровождало меня все время, которое я живу во Франции, – одиночество и отчужденность. Как ни странно, оно удивительно гармонировало с моим лицом.

– Что скажете, Барбара? – склонив голову на правое плечо, поинтересовался Луи, внимательно наблюдавший за тем, как я рассматриваю портрет.

– По-моему, вышло похоже.

– Я старался. Жаль будет расставаться с портретом, – сказал он, снимая лист с этюдника.

– А вы оставьте его себе, – предложила я, понимая, что подобного ответа он и ждет.

– О... вы очень великодушны, Барбара. Но мне неудобно – я отнял у вас время и ничего не дал взамен.

– Если вам так уж хочется расплатиться со мной за это, можете написать еще один портрет, – расщедрилась я, и Луи радостно ухватился за мое предложение:

– Я буду только рад. Когда же мы увидимся?

– Я пробуду в Париже до завтрашнего вечера, можем встретиться в обед, если вас это устроит.

– Устроит, если вы позволите до этого пригласить вас на

чашку кофе.

– Хорошо. Тогда увидимся здесь в час. А теперь мне пора. Спасибо за интересную беседу, Луи.

– До завтра, Барбара. Буду ждать с нетерпением.

Луи шутливо раскланялся, и я, не став ждать, пока он соберет этюдник и краски, направилась в сторону отеля. Нужно было немного отдохнуть и привести себя в порядок перед концертом. Да и пообедать тоже бы не мешало.

К вечеру я вдруг почувствовала какую-то усталость. Не хотелось вставать с кровати в уютном номере, не хотелось переодеваться из пижамы в вечернее платье и туфли на шпильке, не хотелось никакой музыки. Но я решила, что раз уж приехала, то должна выполнить намеченное. В конце концов, провести в концертном зале два с половиной часа – не такое уж тяжелое занятие.

Оказывается, за прошедшее с момента гибели Руслана время я ни разу не надевала вечернего платья и не делала прически, успела даже забыть, как выгляжу в таком наряде. Не скрою, собственное отражение в зеркале мне нравилось, я поворачивалась так и эдак, выгибая спину и разглядывая себя со всех сторон. Да, я еще ничего... вполне хорошо выгляжу для своих-то лет. Разве что глаза... вот они как раз и выдают все – и возраст, и опыт, и все то дерьмо, что пришлось пережить. Но если приложить немного усилий и постараться чуть смягчить взгляд, будет вполне терпимо.

Фойе концертного зала было заполнено любителями и знатоками симфонической музыки. Слышалась разная речь – и французская, и английская, и я даже краем уха уловила родные русские слова и фамилию бывшего мужа. У Светика было довольно много поклонников, и наверняка даже из консульства кто-то пришел.

Я заняла свое место, только теперь осознав, что оказалась прямо перед дирижерским пультом, в третьем ряду, и, если Светик бросит в зал хоть один внимательный взгляд, не заметить меня не сможет. Я на это как-то не рассчитывала, но изменить уже ничего было невозможно. Светик появился практически сразу после третьего звонка, когда свет в зале чуть приглушили. Зал зааплодировал, Лемешинский сдержанно поклонился и направился к пульту. Я склонила голову так, чтобы лица не было видно. Сейчас он займет свое место, окажется спиной ко мне, и все, можно будет расслабиться.

Все первое отделение оркестр исполнял классику, я узнавала многие произведения, так как слышала их не раз. Публика принимала прекрасно, аплодисменты не смолкали, музыканты выглядели довольными, а я всякий раз, когда Светик поворачивался в зал, то наклонялась вниз, то отворачивалась – словом, делала все, чтобы не оказаться с ним лицом к лицу. В антракте я позволила себе слегка расслабиться и выпить шампанского. В голове немного зашумело – оказывается, я и этого давно не делала, не пила спиртного. Похоже, что я отлично вошла в роль вдовы...

Во втором отделении оркестр исполнял что-то современное, довольно резко отличавшееся от классики. Среди произведений я вдруг отчетливо услышала и Светика – например, вот эту мелодию он писал еще в то время, когда мы жили вместе, а следующую – как раз в период нашего разрыва. Я даже вспомнила мизансцену – я, как всегда при размолвках, спала в кабинете, а Светик всю ночь провел за роялем в гостиной, и звуки музыки преследовали меня потом дня два. Правда, в оркестровой обработке музыка звучала куда лучше – или просто прошло время, и я перестала чувствовать себя униженной. Хотя...

Я и во время развода не чувствовала какого-то уж особенно угнетенного состояния. Единственное, может быть, чувство, преследовавшее меня в ту пору, была злость на себя. Да, именно на себя. Как я, такая цепкая в делах, внимательная и дотошная, проморгала момент, когда мой слабыхарактерный и насмерть влюбленный Светик начал жить двойной жизнью? Ведь почти девять лет он обманывал меня, ухитряясь так обставить свои дела, что и подозрения не возникло. Может, все дело было в том, что я сама не была Светику верной женой и то и дело заводила легкие интрижки за его спиной? Наверное, в нашем разводе доля моей вины была куда больше Светиковой. Я вышла за него замуж без любви, скорее – из чувства благодарности. Кроме того, Светик был предан мне, как собака, не замечал ничего вокруг, исполнял все мои желания, старался сделать нашу совместную жизнь

максимально комфортной, и первые годы мы действительно были счастливы. Он все знал обо мне. Но в какой-то момент не смог справиться с желанием иметь ребенка, которого я не могла ему родить. И именно это оскорбило меня – то, что человек много лет прикидывался, скрывал свои истинные желания. И я никогда не думала о том, что Светик много лет приносил себя в жертву моему воинствующему «чайлдфри». Признаться честно – отсутствие возможности иметь ребенка не расстраивало меня, я никогда не рассматривала всерьез ни усыновление, ни суррогатное материнство, которое мы вполне могли себе позволить. Я не хотела детей, а Светик поддакивал, скрывая свое несогласие. Как ни смешно, но именно это добило меня. И – бабушка, выбравшая между мной и чужим мальчиком не меня.

Пока я предавалась воспоминаниям, концерт плавно подошел к концу, и вот уже финальные овации, и раскланивающийся дирижер, и я, встав вместе со всем залом, аплодирую бывшему мужу. И в этот момент Светик меня увидел. Я поняла это по его изменившемуся лицу – оно стало растерянным и виноватым, руки дрогнули, и часть букетов, преподнесенных ему благодарными слушателями, упала на сцену.

«Только не это», – подумала я про себя, прикидывая, как бы скорее убраться отсюда и не вступать ни в какие беседы с маэстро Лемешинским. Однако Светик оказался проворнее меня и, когда публика начала покидать зал, догнал меня и взял за локоть:

– Варя?

Пришлось остановиться.

– Ты откуда здесь, Варенька? – перехватив мои руки и сжав их, спросил Светик, заглядывая мне в лицо.

– Я здесь живу.

– Я слышал, что ты уехала, но не знал, куда именно. В Париже?

– Нет. В Париж я приехала специально, чтобы попасть на твой концерт, – зачем-то призналась я, хотя ничего предосудительного в моем поведении не было.

Светик же обрадовался так, словно получил самый дорогой подарок в мире:

– Я очень рад! Ты даже не представляешь, как я рад, Варенька! Мы сможем поужинать вместе? Ты не торопишься?

Торопиться мне было некуда, но и ужинать в его компании тоже не особенно хотелось, однако Светик настойчиво повторил:

– Конечно, мы поужинаем, я только переоденусь, не идти же в ресторан во фраке. Ты подождешь меня в фойе? Или лучше пойдем в примерку?

– Не забывайся, Лемешинский, я не твоя поклонница, чтобы пробираться в твою примерку. Подожду в фойе.

Светик слегка смутился, но спорить не стал:

– Да, хорошо, как скажешь. Я быстро.

Он повернулся и довольно резво побежал в кулисы. Я же пошла к выходу из зала, сопровождаемая любопытными

взглядами еще не успевших покинуть помещение меломанов.

Согласившись поужинать со Светиком, я обеспечила себе несколько часов неторопливой беседы ни о чем и не с самым приятным человеком, но зато по-русски. Хотя насчет не самого приятного человека я, признаться, слукавила. Светик никогда не вызывал у меня отрицательных эмоций в плане общения. Он был умен, начитан, неплохо разбирался в людях и, помимо музыки, мог говорить практически на любую тему. Кроме того, мы довольно долго жили вместе, нас многое связывало, и пусть мы уже в разводе, но общее прошлое просто так не выбросишь.

Я вышла на крыльцо и начала рыться в клатче в поисках сигарет. Нащупав пачку, закурила, с наслаждением выпустив облачко дыма. Вечер оказался прохладным, хорошо, что я прихватила длинную шаль, которая легко трансформировалась в некое подобие кардигана – все-таки с вечерним платьем пальто смотрелось бы не очень. Светик появился спустя десять минут, в песочном джемпере и серых брюках, в руках у него был какой-то сверток, на поверку оказавшийся его светлым плащом.

– Подумал, что тебе будет холодно, – галантно накидывая его мне на плечи, сказал Светик.

Я с благодарностью посмотрела на него:

– Мне приятна твоя забота. Куда пойдём?

– Думаю, что далеко идти нет смысла, можно найти до-

стойное место и здесь. Я неплохо знаю этот район.

– Тогда веди, – беря его под руку, согласилась я.

– Собственно, даже идти не придется, только обойдем здание. Здесь на третьем этаже прекрасное кафе, каждый сезон – новый повар, так что меню будет сюрпризом. Я узнал, сейчас у них работает один из лучших шеф-поваров Испании. Как ты на это смотришь?

– Нормально смотрю. Испанская кухня вполне подойдет.

Мы обогнули здание, поднялись на третий этаж и оказались в просторном, но уютном помещении, оформленном в бело-черно-красных тонах. Мэтр провел нас к столику под большим черно-белым панно, зажег свечу и положил тяжелые кожаные папки с меню.

– Закажи сам, – не открывая свою, попросила я. – Если, конечно, еще помнишь, что я поела бы.

– Ты могла бы обойтись и без колкостей, Варенька. Разумеется, я помню, – покладисто сказал Светик.

Пока он делал заказ, я разглядывала его, не стесняясь. За то время, что мы не виделись, Светик немного постарел и чуть обрюзг, но это не портило общей картины. Он все еще неплохо выглядел, если бы не та самая тоска в глазах, которую я увидела даже на афише.

– Как твоя молодая пассия? – поинтересовалась я, вспомнив, как однажды встретила его в компании довольно странной девицы, маниакально снимавшей каждый их шаг на видео, чтобы потом выложить в Интернет.

Светик нахмурился, как будто что-то вспоминал, а потом рассмеялся:

– Господи, о чем ты? Неужели до сих пор помнишь?

– Ту свекольную шевелюру я еще с месяц во сне видела. И лексикон... – Я закатила глаза. – Удивляюсь тебе, Светик. На что повелся-то? На молодость, длинные ноги и большую грудь?

– Не такая уж она была большая, – хмыкнул Светик. – И хватит. Расскажи лучше, как ты оказалась во Франции, почему?

Я закурила. Рассказывать длинную историю моего переезда во Францию не очень хотелось, да и ни к чему Светику знать подробности.

– Москва надоела, – небрежно сообщила я.

– Веский повод, – кивнул Светик, тоже вынимая из кармана брюк пачку сигарет. – И что здесь? Нашла частную практику?

– Ты ведь знаешь, что мой французский не настолько прекрасен, чтобы получить разрешение на практику. Именно поэтому я предаюсь блаженному безделью.

– Похоже, тебя это не очень беспокоит.

– Удивишься – я не устаю радоваться, – с сарказмом отозвалась я, отпивая из бокала белое вино, которое только что налил официант. – Оказывается, безделье – это все, о чем я так давно мечтала.

– Только вот не выглядишь ты счастливой, когда гово-

ришь об этом, – тут же уличил Светик, и я вздохнула:

– Ты прав. Я не умею быть ничем не занятой, это, пожалуй, единственное, что мне недоступно. Зато нашлось время прочитать все, что давно хотела.

Мы умолкли. Светик докурил сигарету, тоже сделал глоток вина.

– Не спросишь про Тамару Борисовну?

– Нет. Но подозреваю, что ты и без вопроса мне сейчас о ней расскажешь.

– Нельзя так, Варя. Она не враг тебе. В сущности, у вас никого нет, кроме друг друга. Она уже немолода и не особенно здорова. Ты понимаешь, о чем я? Ведь потом будешь себя казнить, а уже ничего не исправишь.

Я внимательно посмотрела ему в глаза:

– Это ты о чем? У бабушки что-то не в порядке со здоровьем?

– Варя, ей почти девяносто. Не думаешь же ты, что она совершает утренние пробежки, правда? У нее проблемы с сердцем, она не признается, но я-то вижу. Ей стало трудно долго сидеть за роялем, я настоял на том, чтобы она сократила количество уроков у Макара. Но ты ведь ее знаешь. Через два месяца конкурс в Ницце, Тамара Борисовна настаивает, чтобы я вез Макара туда, и мне никак не удастся убедить ее в том, что и без ее участия Макар будет подготовлен должным образом. Но поскольку она его первый педагог...

Я пожала плечами:

– Светик, ты ведь тоже ее знаешь. Спорить бесполезно. Может быть, ей так легче, она чувствует свою нужность, и это не дает ей слечь в постель. Ты не упорствуй.

– Да я особенно и не упорствую. Она бывает в консерватории всего два дня в неделю, остальное время проводит дома, ей, разумеется, тоскливо, а Макар все-таки вносит в ее жизнь оживление. Ничего, что я о нем говорю? – вдруг спохватился Светик, и я махнула рукой.

– Перестань. Я нормально отношусь к существованию Макара в твоей жизни, привыкла уже.

– Но все равно не можешь удержаться от колкости, да? – чуть грустно улыбнулся он.

– Светик, не начинай. Мы встретились спустя столько времени не для того, чтобы ворошить прошлое и вспоминать, кто кому какие гадости сделал.

– Ну что ты... конечно, мы не будем говорить об этом. Просто я подумал, что зря упомянул о Макаре.

– Он твой сын – о чем и о ком тебе еще говорить? Нормально.

Официант принес закуски, снова наполнил наши бокалы. Светик поднял свой и чуть коснулся им края моего бокала.

– Давай выпьем за встречу, Варенька. Честное слово, я очень обрадовался, когда увидел тебя в зале. Это было так неожиданно, но так приятно. Спасибо тебе за то, что пришла.

– И отдельное спасибо за то, что после ужина уйду, прав-

да? – неловко пошутила я, отпивая вино.

– Грубовато, Варя.

– Да, извини, действительно неудачная шутка.

– Ты очень изменилась, Варя. Я понимаю, у тебя тяжелый период в жизни, но ведь это не означает, что нужно обороняться от всех. Я тебе не враг, – негромко сказал Светик, дотягиваясь до моей руки, лежавшей на столе. – Даже развод не заставил меня относиться к тебе иначе, чем прежде, ведь, в конце концов, основная вина лежит на мне...

Я убрала руку:

– Не надо этого, Светик. Прекрати этот сеанс прекраснотуши и покаянно склоненной головы, выглядит смешно и глупо. Ты ведь не считаешь себя виновным – да и нет виновных в том, что мы перестали совпадать во взглядах. Мы разошлись мирно – и хватит. Сегодня вот встретились, вина попили – и разойдемся опять на неизвестный срок. Всех все устраивает, ведь так?

Он со вздохом кивнул головой:

– Наверное, ты права. Видимо, это Париж на меня так действует – романтика, вечер, вино. Ты ведь знаешь, что я всегда чувствую атмосферу вокруг и она определяет мое поведение и эмоции.

Я сдержанно хмыкнула. Светик вообще довольно чувствителен во всем, что касается тонких материй, я совершенно другая, и даже странно, что мы прожили вместе столько лет. Наш развод был неизбежен, что уж скрывать.

– Ты не хочешь пройтись немного? – предложил он. – Я бы потом проводил тебя.

– Можно и пройтись, почему нет. Погода вроде позволяет. Светик оплатил счет, снова накинул мне на плечи плащ, и мы вышли на улицу.

Каждый город имеет свой запах – во всяком случае, у меня это именно так. Прага пахнет горячими трдельниками и пивом, Москва – душным металлическим воздухом из метро, Санкт-Петербург – Невой и ветром, Барселона – раскаленным песком и рыбой. Париж пах фиалками, хотя сейчас их еще и в помине не было. Я, казалось, кожей ощущала этот аромат, и он успокаивал и расслаблял меня. Мы медленно брели по Елисейских Полям и молчали. Бывают моменты, когда ни о чем не хочется говорить, да и не нужно – хорошо просто идти рядом, не произнося ни слова. Все-таки внутри мы остались родными людьми, даже после всего, что между нами произошло, и я подумала, что это очень важно – иметь родного человека, которому можно ничего не объяснять.

– Знаешь, а ведь я решила вернуться, – вдруг сказала я, не понимая даже, зачем говорю это.

– В Москву? – казалось, не удивился Светик. – Я думаю, что это правильно.

– Почему?

– Потому что ты не можешь жить где-то еще. Москва – это тот город, который полностью соответствует тебе. Ты такая же амбициозная и вечно спешащая куда-то, это твой ритм

жизни, твой стиль, твой воздух. Я очень удивился, узнав, что ты вдруг решила ее оставить.

– Наверное, ты прав. За это время я тоже пришла к подобной мысли. Дело даже не в языке, а в том, что во Франции я никто. Просто женщина, живущая каждый день, как предыдущий и как следующий. А я, как выяснилось, для этого не создана. Мне скучно, я не знаю, чем занять себя. Сколько книг можно прочесть, сколько фильмов посмотреть, сколько выставок посетить? Все имеет свой предел. И мой настал.

– Тогда возвращайся, в чем дело? Не думаю, что в деньгах.

– Не в них, это ты точно подметил. Но никакие деньги не в состоянии стереть память. Но парадокс в том, что я и здесь ни на секунду не забыла того, что со мной случилось. Так какая разница – где? В Москве я хотя бы смогу работать.

Светик легко приобнял меня за плечи:

– Так возвращайся. Можешь рассчитывать на мою помощь.

– Ты всегда был чертовски любезен, Светик.

– Вот уж не думал, что ты это замечаешь.

Я остановилась и посмотрела Светику в глаза:

– Ты это серьезно? Ты действительно думал, что я всегда зациклена только на себе?

– Варя, какая теперь-то разница, о чем я думал тогда? – уклонился он. – Мы больше не вместе – разве это не ответ на все вопросы? Я стал тебе не нужен, и ты пошла дальше, оставив меня в прошлом. Я это принял.

– А вот не передергивайте, Святослав Георгиевич. Мы развелись вовсе не поэтому, правда? Напомнить? Или все-таки прекратим портить отличный вечер разборками из прошлого? – прищурившись, спросила я.

Светик пожал плечами:

– Как-то все время сворачиваем к этой теме. Наверное, не договорили тогда, а теперь пытаемся это исправить.

Это заявление бывшего мужа меня одновременно рассмешило и огорчило. Всегда неприятно осознавать, что человек, проживший с тобой много лет, так ничего в тебе толком и не понял.

– Не договорили? Я-то думала, что ты меня лучше знаешь.

Я не люблю расставаться без объяснений. Почему-то это напоминает мне следы бурно проведенной ночи, медленно застывающие на простынях. Вроде как была ты – и все, нет тебя, только пятно осталось. Высказав же все, я обретаю словно бы какое-то бессмертие, которое невозможно вывести при стирке, как то самое пятно. Не знаю, почему с годами мне стало важно это – запомниться, остаться, врезаться в память. И уж в памяти Светика я должна бы сохраниться так четко, как цветная татуировка. Странно, что это оказалось не так.

– Наверное, я что-то упустил, – уклонился от дальнейших разбирательств Светик. – Ты не замерзла?

– Если ты устал, можем расходиться.

– Я не об этом. Стало прохладно, может, ты хочешь зайти

к себе и переодеться? И мы могли бы гулять хоть всю ночь.

Предложение оказалось слишком заманчивым, чтобы от него отказываться. Все-таки хорошо, что мы со Светиком оказались довольно цивилизованными, чтобы разойтись без особых скандалов, что позволило нам остаться друзьями и вот так гулять теперь по ночному Парижу.

– Думаю, ты прав. Мы практически у моего отеля, давай зайдем.

Светик отказался подняться в номер, уселся в лобби с чашкой чая, а я отправилась переодеваться. Выбор был невелик – я же не собиралась разгуливать здесь, потому, кроме джинсов, в которых приехала, надеть было нечего. Но Светику всегда было безразлично, в чем я хожу, он доверял мне и моему вкусу и не был заиклен на каких-то презренных шмотках. У меня же всегда было иначе. Иногда вещи говорят о людях куда больше, чем могла бы сказать, например, двухчасовая исповедь. Мы – то, что носим, то, чем пользуемся, на какой машине ездим, какую косметику выбираем. Поколение понтов. Рабы брендов, заложники торговых марок. И я – не исключение. Я вращалась в тех кругах, где твои наручные часы скажут о тебе больше, чем резюме, а марка портфеля, в котором лежат бумаги по процессу, выдаст твое истинное лицо. Внешний вид – наше все...

Когда я появилась в лобби, Светик внимательно изучал французскую газету.

– Для рецензий на твой концерт еще рановато, – заметила

я, и он, аккуратно свернув газету, улыбнулся:

– Я не читаю рецензий на свои концерты.

– Странно. Раньше читал.

– Все меняется, Варенька.

Мы вышли на улицу, попав в довольно прохладную парижскую ночь. Запах фиалок преследовал меня, как навязчивая идея, и я сказала об этом Светику. Тот удивился:

– Не сезон еще.

– Вот и мне странно. Но ничего не могу поделать.

И тогда Светик затащил меня в ближайший открытый цветочный магазин, оказавшийся маленькой оранжереей, и купил там букет фиалок.

– Замкнем цепь, – улыбнулся он, протягивая мне цветы.

Мы гуляли до самого утра, и, вернувшись в отель, я решила не ложиться спать, дотерпеть до поезда и подремать уже под стук колес. О назначенной встрече с художником Луи я, разумеется, забыла.

Глава 3. Планы на будущее

*Большая рыба не плавает в маленьком пруду.
Японская пословица*

Риелтор позвонил через три дня после моего возвращения из Парижа. Представившись Петром, он сразу обрушил на меня поток названий жилых комплексов и московских улиц, где, по его мнению, я могла бы приобрести жилье.

– Погодите, Петр, вы так частите, что у меня в голове все поплыло, – взмолилась я, прерывая эту череду названий. – Давайте действовать последовательно. Я продиктую вам адрес моей почты, а вы пришлете мне свои предложения. Я их посмотрю, выберу понравившиеся, и вот их мы будем обсуждать детально. Хорошо?

– Анна предупреждала, что вы юрист и любите четкость, но я как-то мало верю в женщин-юристов, – извиняющимся тоном сказал риелтор. – В случае с вами вынужден признать, что ошибся.

– Вы еще и сексист, – вздохнула я. – Пишите адрес, Петр, и не отнимайте мое время болтовней, пожалуйста.

Избавившись от чересчур энергичного риелтора, я набрала номер Вяземской.

– Ты где выкопала этого Петю? – накинулась я на подругу, едва та сняла трубку. – Он же неменяемый какой-то!

– Тебе вечно все не так, – надулась Аннушка. – Нормальный он, просто говорит быстро.

– Ага – и женщин считает существами второго сорта, а так-то душевный человек.

– Тебе с ним что – детей совместно воспитывать? Тебе квартира нужна, а не общение, правильно? Вот и выбирай квартиру, а Петькины взгляды на баб оставь ему.

– Спасибо, дорогая, я непременно воспользуюсь твоим советом, – сладким голосом ответила я. – Как твои дела?

– Ничего нового. Видела на днях Мельникова. Его что, освободили уже?

Я едва не упала. Пол качнулся, уходя из-под ног, пришлось ухватиться за край стола. Этого не может быть...

– Погоди... ты не ошиблась? – охрипшим от ужаса голосом переспросила я, и Аннушка беззаботно рассмеялась:

– Ты чего хрипишь? Простыла? Конечно, не ошиблась – что я, Кирилл не помню? Похудел слегка, кожа на лице потемнела, а так – вполне себе еще... Красавчик.

– Но этого не может быть! Ему восемь лет дали, а прошло... сколько прошло, не помнишь?

– Мне делать нечего, что ли? – изумилась подруга. – Твой мужик – ты и подсчитывай.

Но я была не в состоянии что-то подсчитывать. Как ни крути, выходило, что выйти из мест заключения Кирилл еще не мог. Если только по условно-досрочному... Если без эксцессов отсидел половину срока, то вполне мог, да. Надо как-

то проверить, кому-то позвонить...

– Все, Анька, мне надо бежать... – глуповато оправдалась я и бросила трубку.

Вцепившись в волосы, я опустилась на пол и принялась раскачиваться вперед-назад, пытаюсь свыкнуться с неприятной новостью.

Мой стародавний любовник Кирилл Мельников, мой первый мужчина, едва не отправивший меня на тот свет, подставивший под удар вместе с дядей, оказавшимся к тому же моим отцом, натравивший на меня злополучного Лайона Невельсона... Нет, это все слишком. Если он вышел, то непременно будет меня искать – не зря же с пунктуальностью маньяка отсылал каждый месяц по письму из колонии. Он уже попытался сломать мне жизнь, и пару раз ему это почти удалось, а теперь мне даже за помощью обратиться не к кому – я совершенно одна. И возвращение в Москву в этих условиях, конечно, равносильно самоубийству.

Но что-то внутри подсказывало, что пройдет неделя, и я возобновлю и поиски квартиры, и позвоню Кукушкину насчет работы. Такой уж характер.

Несколько ночей меня мучили кошмары. Я давно не признаю красного цвета, не ношу вещей этого оттенка и паникую всякий раз, увидев капли от красного вина на белой скатерти. Теперь же мне снились реки крови, озера, моря... Я брахталась в этой жуткой жиже и просыпалась от собствен-

ного крика. Хорошо, что в доме я одна... Одиночество, кстати, пугало значительно меньше, чем приближение очередной ночи, потому что я точно знала – непременно увижу этот сон снова и снова. Странное дело – я никак не могла вспомнить лица Кирилла. Лица, черты которого помнила всю свою жизнь. Теперь же вместо него всякий раз возникало лицо Руслана – такое, каким я его запомнила в наш последний проведенный вместе день. Наверное, это было к лучшему. Мне даже начало казаться, что, если я вспомню, как выглядит Мельников, моя жизнь немедленно пойдет под откос – как, собственно, и бывало всякий раз с его появлением около меня.

Наконец, устав от кошмаров и неопределенности, я позвонила Диме Кукушкину и сообщила, что намерена вернуться. Димочка, похоже, здорово испугался, что я потребую вернуть управление конторой, но я успокоила его, сказав, что не собираюсь покушаться на его руководящий пост, а просто хочу работать у него и заниматься тем, что у меня хорошо получалось.

– Конечно, Варвара Валерьевна, – все еще кислым голосом отозвался Кукушкин. – Я буду рад...

– Ты насчет радости не привирай, – рассмеялась я, – и успокойся – мне даже партнерство не нужно, я хочу просто получать заказы через твою контору, вот и все. Что сама заработаю – то и будет моим, твоя репутация не пострадает, претендовать на главенство я тоже не стану. Ты ведь пони-

маешь, что я делаю это не ради денег. Мне просто хочется снова быть кому-то нужной и полезной, Дима. Помоги мне.

Кукушкин, похоже, повелся на мой проникновенный тон и поспешно сказал:

– Что вы, Варвара Валерьевна! Как вы могли обо мне такое подумать... да я только рад буду, если вы вернетесь и станете снова работать со мной. К нам же клиенты рекой потекут, это же ясно.

– Видишь – все будут счастливы, и ты, и я, и клиенты. Значит, мы договорились?

– Разумеется! – совсем повеселел Димочка. – Вы мне звоните, если нужна какая-то помощь, я с удовольствием!

– Непременно.

Ну вот, теперь у Димки есть время, чтобы свыкнуться с мыслью о моем возвращении. Я могла, конечно, открыть собственную контору – это не составило бы особого труда, как и обрасти снова клиентурой. Меня хорошо знали в этом мире, моя репутация открывала определенные перспективы, в том числе и финансовые, однако в деньгах я нуждалась меньше всего, а возиться с созданием конторы просто не хотела. Поэтому работа на Димку Кукушкина казалась мне лучшей перспективой из всех возможных. Он дает мне дело, я его веду и представляю в суде. Все. А слух о моем возвращении, тут Димка прав, разнесется очень быстро и привлечет в контору клиентов, желающих, чтобы именно Варвара Жигульская по прозвищу Щука представляла их интересы.

Все просто.

Еще через пару дней я окончательно пришла в норму и вплотную занялась поисками квартиры. Женоненавистник Петр прислал около двух десятков вариантов, на просмотр которых я потратила три дня, отмечая одну квартиру за другой. Мне не хотелось оказаться, например, в том доме, где я жила – а там как раз продавали неплохую трехкомнатную квартиру. Но – воспоминания, знакомые лица, вот это все... Я понимала, что Москва при всей ее густой заселенности и многолюдности все-таки порой оказывается маленькой, и шанс встретить знакомого не так уж мал, но способствовать этим встречам все же не хотела. Не годились и такие места, как Ордынка, например – я ее почему-то не любила. Якиманку я отвергла, едва увидев номер дома – это был жилой комплекс, в котором находилась квартира Руслана, и жить там для меня равносильно тому, как отрезать себе каждый день по пальцу. Круг сужался постепенно, и наконец я остановилась на двух квартирах, расположенных примерно в одном месте, устраивавшем меня и с точки зрения географии, и с точки зрения отсутствия негативных воспоминаний. Отправив ссылки на них Петру, я в сопроводительном письме попросила уточнить цену, условия сделки и сроки, в которые планировали уложиться хозяева. Я решила, что посмотрю обе квартиры сразу по приезду и уже на месте определюсь, что именно выбрать. Осталось только решить, где по-

жить первое время.

Вариант с бабушкиной квартирой я отмела сразу же, хотя он казался единственным приемлемым и логичным. Но – нет. Обида на бабушку так глубоко сидела во мне, что я просто не в силах оказалась справиться. Головой я уже давно понимала, что с этим нужно заканчивать, и Светик прав – в случае чего я буду страшно грызть себя, но сердце ни в какую не желало подчиняться разумным доводам. Бабушка предала меня, встав на сторону Светика в ситуации, когда, казалось бы, логичнее было защищать меня. Но она сделала такой выбор, это ее право, но я не могла ей этого простить. И жить у нее даже неделю тоже не хотела.

Устав изобретать велосипед, я решила остановиться в гостинице – собственно, это был самый логичный выход. Деньги есть, могу позволить себе любой отель, хоть самый дорогой. И нечего ломать голову.

Чтобы не дать себе возможности передумать, я купила билет на рейс Париж – Москва и забронировала номер в «Балчуге». Вот и все. Можно собирать чемодан и договариваться с Жанетт о частоте ее визитов в дом для уборки и поддержания порядка. Я не планировала продавать этот дом – сюда вполне можно приезжать, к примеру, летом. Буду платить Жанетт – или вообще предложу ей жить здесь в мое отсутствие.

Глава 4. Возвращение

*Прямой человек, что прямой бамбук,
встречается редко.
Японская пословица*

Я вернулась в Москву первого мая, в самом начале праздников. В это время город резко пустеет – все, кто могут себе позволить, уезжают либо за границу, либо на дачи. Это оказалось весьма кстати – после маленького городка в провинции попасть сразу в водоворот мегаполиса казалось мне не самой удачной идеей.

Встречала меня Вяземская – сама предложила, хотя я отказывалась и говорила, что не хочу нарушать ее планы.

– Какие у меня могут быть планы? – возмутилась подруга.

– Мало ли. И потом, выходные. Может, ты уехать куда-то хотела.

– Ерунду не говори, Жигульская! Никаких планов у меня нет, ехать никуда не собиралась, а у нынешнего кавалера свои планы, в которых меня пока нет. Так что говори номер рейса – не на такси же тебе ехать.

Я была ей очень благодарна. Все-таки почти трехгодичное отсутствие на родине немного волновало меня – вдруг что-то глобально изменилось? И столкнуться с этими изменениями в одиночку было, признаться, страшновато.

К счастью, изменений я не заметила. И Шереметьево все то же, и дорога из него до Москвы – словно я и не уезжала. Аннушка, с визгом повисшая у меня на шее возле выхода из зала прилета, тоже изменилась мало. Та же коса, перекинутая через плечо, те же распахнутые глаза. И та же потрясающая наивность, ставшая уже визитной карточкой.

– Я так рада, что ты вернулась, – лопотала подруга, пока мы шли к стоянке. – Хоть будет, с кем иной раз свободный вечер скоротать.

– Что – совсем все плохо? – насмешливо спросила я, сдвигая на лоб черные очки.

– Ой, да мужики измельчали, – сморщив нос, сказала Аннушка. – Ни тебе романтики, ни тебе каких-то шагов. Так и ждут, что ты все сама сделаешь. Нахлебники.

– Ань, ты меня удивляешь. Неужели в тех структурах, где ты вращаешься, нет ни одного мало-мальски приличного мужчины, а? Ни за что не поверю.

– Есть. Но приличные уже женаты, а это дополнительная возня – развод, алименты, истеричная супруга, то-се... Этот вариант мне, если прижмуриться, еще годится, но сложно-ват – нервная система не та. А холостые ведь сплошь мудаки, потому и холостые. Или уже разведены – как раз потому, что мудаки. Так зачем мне такие приключения?

– Выбываешь из борьбы? – уточнила я со смехом, и Аннушка тоже беззаботно рассмеялась:

– Скажем так – на рынке брачных услуг я ищу себе новую

нишу. Хотя пытаюсь пока выжать все из нынешнего кавалера.

– Главное – не затягивай, – пошутила я, садясь в машину. – Ликвидность твоя падает с каждым годом, помни об этом.

– Вот в кого ты, Варька, такая злая, а? – устраиваясь за рулем и вставляя ключ в замок зажигания, поинтересовалась Аннушка. – Вроде семья приличная, бабушка в консерватории преподает, мать актриса, а ты? Чисто выродец же!

– Я, Анечка, не злая, я реалистка. Не обижайся.

– Ох, Жигульская, я перестала обижаться на тебя лет в восемь, когда поняла, что ты никогда не поменяешься. Ладно, куда едем-то?

– В «Балчуг».

– Красиво жить не запретишь.

– Ой, да какая разница, – отмахнулась я. – Отель как отель, зато место удобное. Отлежусь пару дней, приду в себя – и можно квартиру смотреть.

– Кстати, о квартире. Не определилась еще?

– Пока нет. Есть пара вариантов, но хочется не на фотографиях посмотреть, а самой.

– Зря ты на Якиманку не хочешь, – выезжая с парковки, сказала Аннушка. – Там же отличный жилой комплекс, люкс, все дела.

– Можно подумать, ты не понимаешь, почему я не хочу там жить.

– Если так рассуждать, тебе вообще не надо было возвращаться. В Москве кругом места, так или иначе связанные для тебя с Русланом. У тебя даже офис окнами на Кремль выходит – так что же, прикажешь Кукушкину их кирпичами закладывать? Ведь глупо, Варя. Жить надо. Понимаешь – дальше жить. Руслана не вернешь, а ты живая. Ему бы не понравилось.

Это было последней каплей. Я держалась, сколько могла, с того самого момента, когда ступила ногой на трап в Шереметьево. Но сейчас Анькины слова показались мне такими ужасными и такими безоговорочно правдивыми, что я не выдержала и расплакалась, скорчившись на сиденье. Аннушка погладила меня по волосам:

– Ты поплачь, Варенька. Невозможно носить все в себе, это для любого тяжело. Поплачь. Сегодня отдохнем, а завтра я тебя на кладбище свожу – побудешь там, подумаешь, вспомнишь. И все, дальше начнешь жить.

Удивительно, но иногда Аннушка, такая бесхитростная и примитивная, умела вдруг найти именно те слова, которые нужны в данный момент времени и в конкретной ситуации. Этим ценным качеством она пользовалась крайне редко, но всегда к месту. Я обдумала сказанное ею и поняла – а ведь она права. Я вернулась не затем, чтобы страдать и хоронить себя. Я должна жить дальше. Руслан бы это одобрил.

Аннушка осталась у меня в номере. Мы лежали на ши-

рокой кровати, между нами стоял поднос с фруктами, а на тумбочке – бутылка шампанского – комплимент от администрации отеля.

– Слушай, Аня, – вспомнила вдруг я. – А ты где Мельникова видела?

– Так он в офис к нам приходил, – блаженно прикрыв глаза, сказала подруга. – Кажется, они с моим новым шефом какие-то приятели.

– Приятели... но ты точно не ошиблась?

– Варь... я его вот как тебя видела. Он меня кофе пить приглашал, да работы много было.

– Про меня... спрашивал? – облизав пересохшие губы, спросила я.

– Первым делом.

– И... что ты ему?..

– А ничего. – Аннушка перевернулась на живот и внимательно посмотрела мне в глаза. – С чего ради я должна ему что-то о тебе говорить, когда ты из-за него чуть с крыши не шагнула?

Это был, пожалуй, самый стыдный эпизод в моей жизни. Не справившись с навалившейся негативной информацией, я действительно едва не шагнула вниз с крыши собственного дома, хорошо еще, что подоспел телохранитель. Удивительно, но обе попытки свести счеты с жизнью были связаны с именем Кирилла Мельникова. Не самый украшающий биографию факт.

– А... как он спросил? Что именно?

– Ты чего, Жигульская? – возмущенно воскликнула Аннушка. – Тебе не все ли равно, а?

– Раз спрашиваю – значит, не все равно.

– О, господи... – закатила глаза Вяземская. – Так и спросил – мол, как там Варька, где, с кем? Я ему и ответила, мол, не твое это, Кирюша, дело. Ты все, что мог, для нее сделал уже. Теперь гуляй потихоньку и лучше в другую сторону, чтоб с Варькой не пересекаться.

Я закрыла глаза, и вот тут мне впервые явилось лицо Кирилла. Я увидела его так явно, что вскрикнула от испуга и села.

– Ты чего? – удивленно уставилась на меня Аннушка.

– Я его увидела только что, – пробормотала я. – Столько лет не видела – и вдруг... я даже забыла, как он выглядит, понимаешь? И только сейчас...

Аннушка подползла ко мне, обняла и зашептала на ухо:

– Варя, перестань. Уж кто-кто, а Мельников вообще не стоит ни твоих нервов, ни твоих слез. Почему такие не самовоспламеняются и не горят заживо, а? Ведь мерзавец, каких поискать! Варька, разве можно простить то, что он сделал?

– А с чего ты решила, что я его простила? Мне не дает покоя его освобождение. Не могу понять, как он вышел. Если по УДО... все равно вроде как рано... не понимаю.

– Думаешь, он тебя искать будет?

– Не сомневаюсь даже, – снова закрывая глаза, сказала я. –

Он же мне из колонии каждый месяц написывал. Собственно, и про Невельсона и его истинные мотивы я узнала из такого письма. Хотел, видишь ли, грех с души снять, сам ведь меня подставил. И не отстанет от меня – у него больше нет никого.

Мы легли на кровать лицом в подушки и затихли. Не знаю, о чем думала Аннушка, а мне уже не казалась такой удачной идея вернуться в Москву. Но кто знал, что все так обернется. Отступать я не привыкла, и сейчас тоже не сделаю этого. Попробую жить, делая вид, что никакого Кирилла Мельникова не существует.

Прежде, чем смотреть квартиры, я назначила встречу Кукушкину. Прекрасная погода располагала к прогулкам, и мы договорились пройтись по набережной. Димочка крайне удивил меня, явившись с букетом бледно-розовых тюльпанов. Он немного заматерел за то время, что мы не виделись, стал выглядеть более мужественно и уверенно – сказывалось, видимо, руководство собственной конторой. Мы обнялись, и я пробормотала:

– Кукушкин, ты заставляешь меня проявлять сентиментальность.

– Вам это идет, – улыбнулся Димка, протягивая цветы. – Я очень рад вас видеть.

– Ну что – погуляем и обсудим? – предложила я, беря его под руку.

Мы пошли по набережной, совершенно пустой в этот довольно ранний час. Я вдыхала московский воздух и чувствовала, как ко мне возвращаются силы. Это было то, чего мне так недоставало в тихом французском городке.

– Дима, чтобы не было недопонимания... – начала я, понимая, что он сам не решается заговорить первым. – Я не собираюсь, как и говорила, претендовать на руководство или партнерство. Это честно. Мне не особенно нужны деньги, я хочу просто что-то делать. Считай это капризами богатой вдовы.

Кукушкин посмотрел на меня сверху вниз и улыбнулся:

– Вы вообще не изменились. Что думаете – то и в эфир выдаете.

– А какой смысл юлить? Так всем будет проще. Ты не будешь бояться, что я тебя подсижу, а мне будет спокойнее знать, что ты ничего не опасаясь с моей стороны и ничего не скрываешь. Согласись, в этом есть рациональное зерно.

– Вот это мне в вас всегда и нравилось. Знаете, я после вашего звонка довольно много размышлял на эту тему. Честно скажу – опасался, что вы попробуете опротестовать нашу прежнюю сделку. Но потом понял, что ошибаюсь. Вы не оглядываетесь назад и принятых решений не меняете, так почему в случае со мной что-то должно быть иначе? А ваша работа в конторе только пойдет мне на пользу. Клиенты, то-се... Нет, Варвара Валерьевна, вы сделали мне очень щедрое предложение, отказываться от которого было бы крайне глупо.

по.

– Значит, мы поладим, – улыбнулась я. – Обещаю прислушиваться к твоему мнению.

– Это лишнее, – улыбнулся он в ответ. – Вы и без меня отлично справляетесь с делами, так что это я обещаю не влезать.

– По рукам? – Я протянула ему ладонь, и Кукушкин крепко ее пожал:

– По рукам. Контора начинает работать десятого числа, у вас будет время немного обжиться. Если нужна помощь – обращайтесь, я всегда рад. А сейчас предлагаю пообедать и отметить наше воссоединение.

Мы выходили из ресторана, довольные общением и обедом, и ничего вроде не предвещало неприятностей. Но есть вещи, которые просто не в нашей власти, и уж если что-то должно произойти, то оно произойдет непременно, как ни старайся избежать этого.

Я неловко оступилась на брусчатке тротуара, попав каблучком туфли в выбоину между камней, охнула и присела, схватившись за противно занывшую лодыжку. Кукушкин бросился на помощь, и когда я снова поднялась, то внезапно увидела метрах в пяти от нас... Лайона Невельсона. От ужаса у меня перехватило дыхание, я вцепилась в рукав Димкиного пиджака и зажмурилась, но когда открыла глаза, то увидела лишь спокойно удаляющуюся от нас мужскую фи-

гуру, лишь отдаленно напоминавшую Невельсона. Обозначилась. Конечно же, я обозначилась, потому что вот этого как раз и не может быть – ему дали слишком много и ни о каком условно-досрочном освобождении речи идти не могло. По его статье это не предусмотрено.

– Что-то случилось?

– Д-да... ногу подвернула, болит, – пожаловалась я, хотя лодыжка уже не беспокоила.

– Может, в травмпункт поедем?

– Ну уж нет! – запротестовала я. – Мне только постельного режима не хватало, дел полно, что ты! Давай посидим немного, и все пройдет.

Мы облюбовали лавочку в одном из дворов на Пятницкой, Димка сбегал в ближайший магазин за мороженым, и мы ели его, радуясь, как дети. Нога моя немного припухла, но я решила, что все пройдет к утру, нужно будет в отеле приложить лед. Димка проводил меня до входа в отель, мы распрощались, договорившись, что десятого числа ровно в девять я буду в офисе, и он откланялся. Я же поднялась в номер, попросила принести лед и улеглась на кровати, обняв подушку. Мне не нравилось то, что происходило со мной сейчас. Все эти призраки из прошлого... но Невельсона я видела настолько отчетливо, что могла поклясться – это был он. Вопреки здравому смыслу. Нужно все-таки проверить, не случилось ли чего за время моего отсутствия и не мог ли господин Невельсон как-то обойти законодательство и вый-

ти из тюрьмы досрочно. Черт возьми, меня окружают сплошные уголовники, неведомо как оказавшиеся на свободе раньше положенного... Заодно можно и про Мельникова справки навести. Имелся у меня знакомый в главном управлении службы исполнения наказаний, нужно завтра же ему позвонить и успокоиться. Когда владеешь информацией – владеешь миром. Почти.

Ночью мне приснился Мельников. Я видела его так ясно, что, проснувшись, не сразу поняла, что это был только сон, и зашарила рукой по второй подушке, пытаюсь обнаружить там голову Кирилла. Окончательно проснувшись, я села в постели и щелкнула кнопкой бра. Часы показывали половину пятого. Завтракать определенно рановато... но и спать больше тоже не хотелось. Я вынула из ящика тумбочки сунутую туда в день прилета книгу, которую читала в самолете. Это был купленный случайно в какой-то маленькой букинистической лавчонке Парижа сборник испанских поэтов шестнадцатого века. Не знаю, по какому наитию моя рука потянулась к этой небольшой книжке в довольно потрепанном переплете, но весь полет я не отрывалась от ее страниц, хотя читать по-французски было не особенно легко. Любовь к поэзии мне привил папа – он знал множество стихов, часто их декламировал и заставлял меня повторять. Так странно – я всю жизнь считала отцом совершенно чужого мне по крови человека, но у нас с ним была такая связь, разорвать которую не смог-

ла даже его смерть, даже известие о том, что он мне не родной. Зато родного, так сказать, биологического, я ненавидела и после смерти – столько подлости по отношению ко мне совершил этот человек. Так что родным для меня навсегда остался тот, кто вырастил, выучил и вложил в меня всю душу. Вот как любовь к стихам, например.

Нацепив на кончик носа очки, я погрузилась в прекрасный мир витиеватых фраз. Порой мне было даже жаль, что сейчас прошла мода на такие высокопарные высказывания и речевые обороты. Но дело даже не в них – стихи проникали в душу, вызывая самые разные эмоции.

Порой, что было сердцу мило,
Утратит прежние черты –
Не вспоминай, кого любила,
Не выходи из темноты.
Найдется золотая жила,
И сердце радостно поет –
Не забывай, кого любила,
Возьми их всех с собой в полет.
Когда тебя покинут силы,
Ты в круге света золотом
Не предавай, кого любила,
Чтоб вспомнить их еще потом.
И только в тишине могилы
Последний явится мираж –
Ты вспомнишь всех, кого любила

Потом забудешь и предашь¹.

Вот как так? Почему именно это и именно сейчас? Ведь тут каждая строчка обо мне... На глаза навернулись слезы. Чем старше я становилась, тем более сентиментальной делалась, оставаясь наедине с собой и своими мыслями. Хорошо еще, что напоказ не рыдаю.

Но что же все-таки происходит? Если я ошиблась вчера, то все равно – почему именно Невельсон пригрезился мне в том незнакомце? Почему не Руслан, не Мельников, в конце концов? Я не вспоминала этого жуткого человека довольно давно – это было равносильно повторному прочтению триллера, где всех убили с особой жестокостью. Я вообще старалась выбросить из памяти этот эпизод своей жизни, который уложил меня в клинику неврозов и заставил общаться с психотерапевтами и психологами. Не каждый день находишь в сумке отрезанную руку, а потом проводишь несколько часов наедине с человеком, расчленившим собственную супругу...

Бр-р-р... даже сейчас, когда прошло время, у меня по спине поползли мурашки, а руки сделались ледяными. Я включила второе бра и закуталась в одеяло. Пятна света сделали темноту номера более мягкой, и мне уже не казалось, что в каждом углу роятся ужасные монстры. Нет, надо срочно позвонить Игорю, тому самому приятелю в управлении службы исполнения наказаний. Иначе я точно с ума сойду.

---

¹ Стихи Ольги Пряниковой.

Игорь оказался рад меня услышать, но, к сожалению, на-
ходился с семьей во Франкфурте. Да, я как-то забыла, что
праздники все еще продолжаются...

– Да ты не переживай, Варюха, как вернусь – сразу тебе
 всю информацию выдам, – пообещал он. – Кстати, здоро-
 во, что ты вернулась. Мне кто-то из ваших рассказал, что ты
 вроде как за границу перебралась.

– Да, попыталась. Но ты знаешь, оказывается, за границу
 лучше ездить на отдых, во всяком случае, мне. А вот жить
 там – нет, это не то.

– А говорят, что с баблом везде рай, – рассмеялся Игорь.

– Врут, Игорек, бессовестно врут, – притворно вздохнула
 я. – Вот у меня вроде как и проблем материальных нет, а на
 работу тянет со страшной силой. Не умею сидеть без дела.
 Так что имей в виду – если кому-то нужен адвокат в сфере
 недвижки – милости просим.

– Даже не сомневайся. Кого-кого, а тебя с чистой совестью
 порекомендую.

– Спасибо. Когда тебе позвонить?

– Я тебе сам наберу десятого ближе к обеду.

Я поблагодарила еще раз и, положив трубку, немного рас-
 слабилась. Ладно, сегодня четвертое, осталось всего шесть
 дней...

Глава 5. Новая старая жизнь

*Терпение – одно из жизненных сокровищ.
Японская пословица*

Все оставшиеся дни я провела в отеле, выбираясь только в ресторан. Не знаю, почему, но выходить на улицу мне казалось опасным. Видимо, паранойя... Пару раз приезжала Вяземская, и мы проводили вечера в том же ресторане при отеле, потягивая вино и разговаривая. Аннушка опять находилась в поиске спутника жизни, но этот процесс у нее носил характер постоянный, так что я слушала вполуха – ничего нового явно не услышу. Личная жизнь Вяземской была на удивление цикличной и предсказуемой, и я никак не могла взять в толк, почему она сама-то этого не понимает и не пытается изменить хоть что-то в подходе к поиску избранника и его дальнейшему удержанию рядом.

Я никого не жду, приучила себя не делать этого. Аннушка никогда этого не понимала. Для нее «не ждать» – равносильно «не любить». Не испытывать привязанности и эмоциональной вовлеченности в отношениях. Она всегда трактовала это довольно прямолинейно – если ты не сидишь у окна, подперев щеку кулаком, а за спиной у тебя не благоухает яствами накрытый скатертью стол (пусть даже готовить ты не умеешь и используешь для этого домработницу) – то

все, нет никакой любви в твоём жестоком сердце. Я же всегда считала, что подобное ожидание только раздражает мужчину. Он словно бы постоянно ощущает прицел на лбу или спине от этого ждущего женского взгляда. И потом, процесс бездейственного ожидания мешает тебе же самой, не оставляет времени на собственную жизнь и какие-то рядовые вещи типа чтения, театров, общения с подругами. Какое может быть общение, когда постоянно поглядываешь на дисплей мобильного и ждешь сообщения или звонка, после которого срываешься с места и мчишь к вожделенному финишу не хуже олимпийца?

Мы с Аннушкой очень ярко демонстрировали две абсолютно разные модели поведения и их результаты. Мягкая, пушистая, идеально кукольная и даже приятно для мужчин глуповатая Аннушка всегда была обделена мужским вниманием, ко мне же – холодной, расчетливой и себялюбивой, по словам подруги, – всегда как магнитом тянуло совершенно разных представителей противоположного пола. Не знаю, чем объяснялся подобный феномен, никогда не интересовалась причинами, но факт оставался фактом – к сорока годам Вяземская не то что ни разу не была замужем, но даже ухитрилась не прожить совместно с мужчиной ни дня. Я не могла понять, чего именно не хватает в Аннушке мужчинам, а моя бабушка совершенно конкретно однажды назвала причину. При всем хорошем отношении к моей подруге бабушка считала ее даже не предметом мебели, а просто кошкой, а не все

готовы терпеть шерсть в качестве приправы и аксессуаров. Под «шерстью» бабушка понимала те мелкие женские штучки, которые так любила оставлять Аннушка в квартирах своих любовников, чтобы «пометить» территорию. Все эти заколки, помады, расчески и даже нижнее белье. Не знаю, почему, но бабушка была права. Аннушка мгновенно начинала строить матримониальные планы на любого мужчину, посмотревшего в ее сторону, спросившего у нее время или пропустившего вперед на входе. Тут я отлично понимала ее несостоявшихся кавалеров – на их месте я бы тоже неслась в противоположном направлении со скоростью «Сапсана». Казалось бы – только время спросил, а уже женат, отец троих детей и постоянно всем должен. Страшно же. В конечном итоге несостоявшийся кавалер сгребал все оставленные Аннушкой улики в пакет и возвращал вместе с сообщением о прекращении отношений.

Вот и сейчас в очередной раз я выслушивала историю о том, как Аннушка встретила «того самого единственного», с кем готова провести остаток жизни и ковылять под ручку по бульварам в старости. Разумеется, избранник был женат, но, как всегда водилось у Аннушки, «жил с женой из жалости» и «ждал, пока дети встанут на ноги». Сотни раз я говорила ей, что подобные оправдания выдумывают себе в утешение оказавшиеся в такой ситуации студентки первых-вторых курсов вуза, а не взрослые состоявшиеся тетеньки ближе к пятому десятку, но Вяземская только отмахивалась и обижалась, на-

зывая меня циничной сволочью без души и сердца.

– Ты пойми – он, как честный и порядочный человек, не может уйти и оставить ее одну с двумя подростками – это же им психику ломает! А потом начнутся проблемы – наркотики, дурные компании, самоубийства... Зачем мне такой груз на душе, я ведь буду себя виноватой чувствовать! – покручивая бокал с белым вином, говорила Аннушка.

Мне хотелось взять ее за шиворот и хорошенько встряхнуть – большей глупости выдумать просто невозможно, но, похоже, моя подруга в очередной раз свято верила в свою правоту. Осталось засечь время, через которое я услышу вторую часть этой саги – о том, как прекрасный принц превратился в мерзкую жабу и ускакал в родное болото.

– Тебе не кажется, дорогая, что честные и порядочные люди в первую очередь не заводят романов на стороне?

– Вот ты снова за свое, Варька! Мы же не виноваты, что у нас любовь! И потом, он такой... ты же его даже не видела...

Я пожала плечами:

– А зачем мне? По-моему, все ясно.

– Вечно тебе все ясно! Ты всегда делаешь выводы, даже не видя человека!

– Слово «мачо» составляется вовсе не из тех же букв, что слово «козел», я не понимаю, почему ты-то не хочешь признать этот очевидный факт?

Аннушка округлила глаза и застыла с чуть приоткрытым ртом, переваривая сказанное мной, а потом фыркнула:

– Очень остроумно, ага!

– Согласна, возможно, что не очень. Но ты вспомни хотя бы свой последний роман.

Вяземская покраснела. Этот эпизод в ее жизни был, пожалуй, самым комичным, и вспоминать о том, как едва не стала жертвой аферистки, прикидывавшейся исполнителем готического рока, Аннушка не любила. Галя-Габриэль оставила в памяти моей подруги неизгладимый след...

– Ой, да ладно... подумаешь...

– Теперь-то конечно, – кивнула я, делая глоток вина. – А тогда ты тоже кричала, что я стерва и сволочь и мешаю тебе обрести счастье. Хорошо еще, что я деньги на твоём счете сохранила, правда?

Аннушка рассмеялась:

– Все, твоя взяла! Однако с Марком ты должна познакомиться. Он тебе понравится.

– Нравиться он должен тебе, а меня отталкивает уже то, что у него дети. Но ради тебя я, разумеется, выдержу пару часов общения.

Аннушка обрадовалась. Не знаю, почему ей было важно мое мнение о каждом кавалере, ведь она все равно поступала по-своему. А мне теперь придется потратить пару часов своей жизни на человека, который мне заведомо неприятен. Дружба порой требует жертв...

Никогда, вот просто никогда не нужно снимать телефон-

ную трубку, если номер на дисплее тебе ни о чем не говорит. Как мне научиться соблюдать это простое правило? У меня всегда была привычка сразу же подписывать номера клиентов, а телефоны близких я помнила наизусть либо заносила в специальную книжку, не доверяя телефону. И вот какого же черта я схватила трубку, хотя увидела, что номер неизвестен?.. Определенно, утром я соображаю значительно хуже, чем во все остальное время дня...

– Здравствуй, Варенька, – сказала трубка голосом Кирилла, и я вздрогнула, выронила ее на кровать и зажала уши.

Только не это. Нет, пожалуйста, господи, только не это... Я в оцепенении и ужасе смотрела на лежащий передо мной телефон, словно ждала, что вслед за голосом оттуда возникнет и сам Мельников. Звонок продолжался, на дисплее бежали секунды – Кирилл все еще говорил что-то, но я не могла заставить себя убрать руки и услышать хоть слово. Ощущение неизбежной катастрофы наваливалось, как лавина. Наконец, я пересилила страх, быстро нажала «отбой» и тут же внесла номер в черный список. Мера, конечно, так себе, но все же...

И нет никакой возможности сменить номер – это ж каких масштабов рассылку придется сделать, чтобы оповестить старых клиентов, разного калибра знакомых и просто людей, которые порой бывают нужны... Чертов Мельников, откуда ты вообще взялся на мою голову? Остается только надеяться, что ты выбрался из мест заключения незаконно, и я приложу все усилия, чтобы это немедленно исправить.

Противная дрожь в теле не оставляла меня до обеда, а в ресторане каждый попавшийся на глаза мужчина тут же напоминал Мельникова, это оказалось выше моих сил. Я позвонила Аннушке и с истерическими нотками в голосе потребовала немедленно приехать.

– С ума сошла? – протянула Вяземская. – Мы вчера весь вечер вместе провели, сегодня я хотела отлежаться, в салон сходить...

– Хорошо, забери меня отсюда, и поедem в салон, в ателье, в магазин, к черту, к дьяволу – куда скажешь! – срываясь на крик, попросила я, и Аннушка мгновенно сменила ноющий тон на обеспокоенный:

– Что-то случилось?

– Да! Мне Мельников позвонил!

– Я приеду через час, мне надо хотя бы джинсы натянуть. – И она бросила трубку, а я схватила в охапку подушку, забила в угол кровати и заплакала.

Мое психическое состояние становилось просто угрожающим, если так пойдет дальше, я не то что работать – на улицу выйти не смогу. Хоть беги и добровольно сдавайся куда-нибудь в психиатрию.

– Нельзя раскисать, – твердила я сквозь слезы. – Ему ведь только это и нужно – увидеть, что снова меня растоптал. Нет, этого не будет, я не допущу. Я соберусь, справлюсь. Он больше ничего для меня не значит, не позволю ему управлять моей жизнью.

Своеобразная мантра помогла мне немного успокоиться и к приезду Аннушки обрести более-менее человеческий вид.

– М-да, Жигульская, испугала ты меня. – Вяземская влетела в номер, бросила в кресло небольшую сумочку и, схватив меня за руку, подтащила к окну. – Ну-ка... ого... идея с салоном явно богатая, тебе просто необходимо привести себя в порядок. Что у тебя с лицом? Что вообще с тобой, а? Не могу припомнить, чтобы когда-то видела тебя в таком ужасном состоянии.

Я не была уверена, что поход в салон красоты вернет мне душевное равновесие, но это все-таки лучше, чем лежать в номере с зашторенным окном и рыдать в подушку.

Аннушка с удивлением наблюдала, как я суетливо оглядываюсь, выходя из номера, как нацепляю темные очки на крыльце, как наклоняю голову и прячу лицо, пока иду к ее машине.

– Совсем дошла, дорогая. – Она улыбнулась, глядя на мои манипуляции, и села за руль.

– Хватит упражняться! – огрызнулась я. – У меня поджилки трясутся, как только вспомню этот его голос по телефону! Ты можешь себе представить, как вообще такое пережить?

– Варь, я все понимаю, Кирилл – последний человек, чьему появлению ты бы обрадовалась, но согласишься – мы не в Америке, и ты не можешь даже через суд запретить ему приближаться.

– Но это совершенно не означает, что я буду терпеть это.

Ты только представь, каково мне будет работать в этом состоянии? Я не то что новых клиентов не наберу – я старых распугаю. Или они мне дружно сбросятся на палату в психбольнице – в память о старых заслугах, так сказать.

– Это, кстати, совершенно не смешно.

– Да уж какой тут смех... Мне надо придумать, что делать.

– Для начала надо отвлечься. Попробуй Петьке позвонить, может, кто-то готов сегодня квартиру показать, мало ли? – предложила Аннушка, барабанила пальцами по рулю и нетерпеливо поглядывая на красный сигнал светофора.

– Думаешь? – Я с сомнением посмотрела на лежащий на коленях телефон.

– А что ты теряешь? Скажет, что нет – так и нет, до десятого отложим.

– Многовато у меня планов на десятое, если честно.

– Ничего, я тебя знаю – чем больше дел, тем лучше ты соображаешь.

Не скажу, что сейчас я была уверена в этом так же, как моя подруга. Но внутри росла злость – разве можно позволить прошлому настолько управлять собой? Я одержала верх над Кириллом, я отправила его за решетку – так какого черта сейчас трясусь от одного лишь телефонного звонка?

Эти мысли не покидали меня ни на секунду, даже под сильными гибкими пальцами массажиста, казалось, отрывавшего мышцы от костей. Тело было абсолютно расслаблено, а вот мозг никак не желал делать этого. Проблему нужно

решать, и делать это как можно скорее.

После салона мы решили посидеть где-нибудь, и Аннушка предложила ресторан «Редиссон-Украины»:

– Там вид шикарный, обожаю туда ходить.

– Избаловалась ты совсем.

– Ой, можно подумать, ты всю жизнь в гамбургерных обедаешь! Тоже любишь хорошо поесть в приличном месте.

– Так я разве спорю? Хочешь туда – вези, мне все равно.

Мы выбрали столик у окна, чтобы видеть реку и город под ногами. Аннушка, просматривая винную карту, пробормотала:

– А не оставить ли машину на парковке, а?

– Как хочешь.

– Что-то мне подсказывает, что винца необходимо выпить, а то ты по-прежнему напряженная. Но пить одна ведь не станешь...

Я рассмеялась:

– Не списывай на меня свое желание выпить.

– Ой, да ладно тебе! Значит, какое берем – белое или красное?

– Я рекомендую белое, здесь прекрасное белое вино, – раздалось у меня за спиной, и я вздрогнула от неожиданности.

Повернувшись, обнаружила за соседним столиком мужчину в синем костюме и небрежно расстегнутой на две пу-

говицы белой рубашке. Он смотрел прямо на меня и чуть улыбался.

– Спасибо за совет, мы непременно учтем, – бросила я и отвернулась, а Вяземская, наклонившись к самой скатерти, тихо шепнула:

– Ни фиги себе, какой экземпляр...

– Вот и займись, если скучно, – отрезала я, потому что ее слова мне не понравились, а вот мужчина как раз, наоборот...

Мне казалось, что после гибели Руслана я больше никогда не смогу посмотреть на мужчину с интересом, перестала их замечать. И вот, спустя три года, я вновь чувствую, что мне нравится кто-то, пусть только внешне. У незнакомца были такие синие глаза, что я подумала о линзах. В темных волосах красиво просвечивала седина – немного, лишь на висках, и легкая щетина только украшала загорелое лицо. Таких мужчин привлекают для рекламы дорогих наручных часов или коллекций одежды для яхтинга. Господи, что это со мной? Я, кажется, краснею...

Это заметила и Аннушка, ехидно улыбнулась и, жестом подозвав официанта, громко спросила:

– Нам тут белое вино рекомендуют, можете?

– С удовольствием. – Парень начал перечислять марки, и Аннушка слегка растерялась, но на помощь ей пришел незнакомец:

– Возьмите «Шабли Луи Мишель энд Фис», уверен, вам

понравится.

Аннушка похлопала ресницами, изобразила улыбку и поблагодарила:

– Ваша помощь была неоценима. Молодой человек, мы будем то, что назвал этот господин, – разумеется, правильно выговорить название она не смогла, а коверкать постеснялась.

Мы заказали закуски и горячее и погрузились в рассмотрение открывавшегося из окна вида. Я же затылком ощущала, как незнакомец за соседним столиком изучает мою спину. Моя бабушка всегда говорила: «Спина – это последнее, что видит человек, от которого ты уходишь. Поэтому она должна быть идеальной, чтобы именно такой и запомниться». Хорошо усвоив этот постулат бабушки и вспомнив о нем теперь, я выпрямилась и решила, что пора браться за себя и... идти в бассейн. Да, в бассейн в бизнес-центре недалеко от Павелецкой. Этим и займусь, пожалуй, прямо завтра с утра. От Аннушки не укрылось то, как я вдруг расправила плечи, и она шепотом спросила:

– Ты чего?

– Ничего. Ты можешь перестать акцентировать на мне внимание, а? – прошипела я.

Подруга понимающе ухмыльнулась, но больше ничего не сказала. Официант принес вино, наполнил наши бокалы, я сделала глоток и замерла – вино оказалось совершенно потрясающим, кажется, я никогда подобного не пробовала. Ан-

нушка, похоже, разделяла мое мнение, опустошив бокал почти залпом. Кухня в заведении оказалась примерно на той же высоте, что и сам ресторан, и я с огромным удовольствием поела и почувствовала себя почти хорошо. Аннушка убежала в туалет, и незнакомец воспользовался ее отсутствием – поднялся, подошел ко мне и аккуратно положил около моего локтя визитку, и, чуть кивнув головой, быстрыми шагами покинул ресторан. Я взяла карточку. «Клим Григорьевич Маянцев, генеральный директор СтройКонсалтГрупп» – значилось на ней. Перевернув карточку, я увидела только одну строчку, написанную мелким острым почерком: «Я буду очень ждать Вашего звонка». Фыркнув не совсем прилично, я быстро спрятала визитку в сумку, чтобы не отвечать на неминуемо возникшие бы вопросы Вяземской, которая неверной походкой возвращалась из туалетной комнаты.

– Что-то быстро тебя развезло, – удивилась я. – Два бокала – а ты почти в стельку.

– Я не выспалась.

– Да? С чего вдруг? Ты от меня вчера уехала около девяти – было достаточно времени, чтобы поспать.

– Это в случае, если ложишься одна, – показав мне язык, сообщила подруга.

– Это прекрасно, но избавь меня от интимных подробностей, будь так любезна.

– Избавлю. Ты ведь не можешь просто порадоваться за меня, правда? Он приехал на пару дней раньше, чтобы про-

вести их со мной.

– И потому ты наливаешься в моей компании?

Аннушка отшвырнула салфетку и гневно посмотрела на меня:

– Жигульская, что ты за сволочь, а? Мы поссорились, понятно?

– Более чем. Но я-то при чем тут? – Я отодвинула тарелку и взяла бокал, в котором еще оставалось пара глотков вина.

– Ты ни при чем, конечно... но могла бы просто поддержать.

– Поверь, Аня, я тебя поддерживаю и где-то глубоко в душе даже сочувствую. – Я с неодобрением посмотрела на Аннушку, подозвавшую официанта и потребовавшую принести вторую бутылку, но она проигнорировала мой взгляд. – Но, как ни прискорбно, я всегда говорила тебе – женатые мужики полны сюрпризов, и далеко не всегда они приятные, эти сюрпризы. Он приходит к тебе отдыхать от брачных уз и абсолютно не готов получить ровно то же, что имеет дома – ссоры, нервотрепку и выяснение отношений. Коль скоро ты выбираешь путь куртизанки, так и веди себя соответственно.

Аннушка хлопала длинными ресницами:

– Можно подумать, ты не знаешь, что я никогда не устраиваю сцен! Дело не в том. Да, ты права – ему нужно от меня одно – чтобы не пилила и давала то, чего не дает жена. Я с этим согласна, но ведь и мне нужно что-то от него получить,

раз уж наше совместное будущее пока слегка отодвинуто во времени. В таком случае будь добр, дай мне внимание, нежность и ласку, а не справляй сексуальную нужду и не отворачивайся после этого к стене, оглашая окрестности храпом! Что у меня, ночлежка, бордель? Можно ведь элементарно о чем-то поговорить!

Это было что-то новое в репертуаре моей подруги. Обычно стадию «а поговорить» Аннушка предпочитала сводить к нулю. Собственно, ей особенно и не о чем было разговаривать со своими мужчинами – она мало чем интересовалась, практически ничего не читала. Мне всегда было непонятно, как так можно. Но Аннушка считала, что не в эрудиции счастье.

Как видно, за три года что-то изменилось...

– Вот ты... – продолжала Аннушка, наблюдая за тем, как официант наполняет ее бокал. – Ты встречалась с самыми разными мужчинами, и ведь с женатыми – тоже. И я не помню, чтобы у тебя возникали такие проблемы. В том смысле, что мужчина не проявлял ни капли внимания, а просто пользовался тобой. Почему у меня не так?

– Потому что ты – не я. Ты придаешь слишком много внимания своим отношениям, сразу начинаешь строить планы и пытаешься подогнать мужчину под них. А я этого не делала.

Аннушка залпом опустошила бокал, и я поняла, что сегодня буду выступать во многих амплуа сразу – и как подруга, и как жилетка для рыданий, и даже как носильщик, потому

что сейчас она напьется, и доставить ее домой тоже должна буду я. Прекрасный день, отличные перспективы...

– Ты, Варька, просто эгоистка и себялюбка.

– Заметь – это никому не мешало, так ведь?

– Я не умею так. Мне важно создать комфорт для человека...

– Ага – и именно этим желанием ты создаешь ему только дискомфорт.

– Это почему вдруг?

Я мысленно застонала. Сейчас мне в тысячный раз придется повторить прописную истину, которую я никак не смогла вдолбить в голову единственной подруги за все то время, что мы знаем друг друга. Этот монолог мне пора записать на диктофон и прокручивать эту запись всякий раз в подобной ситуации.

– Объясняю еще раз для тех, у кого лоб бронированный, – со вздохом начала я, испытывая желание закурить. – Нельзя заикливаться на мужчине. Заикливаться надо на себе, и тогда он мгновенно тоже будет заиклен на тебе же, это неоднократно проверено и доказано. А как только ты делаешь мужчину центром своих интересов – все, конец. Он сразу же заводит себе другой объект для обожания, менее погруженный в его жизнь. – Я умолкла, взяла бокал и сделала небольшой глоток. Аннушка слушала внимательно, но, боюсь, в который раз ничего не слышала или просто не понимала. – Только женщина, ориентированная на себя и свои

желания, интересуется мужчину, уж как-то так сложилось. Они ценят только собственное отношение к женщине, а не наоборот. Странно, но факт. Чем больше ты интересуешься жизнью мужчины и пытаешься под нее подстроиться, стать ее частью, тем меньше он позволяет тебе делать это, раздражается и в конце концов уходит. Не все выносят тотальную опеку и всеобъемлющую слепую любовь. Душить мужчину отношениями и заботой всегда чревато расставанием. Это, надеюсь, понятно?

– Это понятно. Но при чем здесь я?

После этих слов мне, например, стало очевидно, что больше я ничего говорить не буду. Какой смысл распинаться перед человеком, который не хочет слышать то, о чем ему говорят? У него своя точка зрения, пусть даже ошибочная, и менять ее нет желания. Что ж, значит, все устраивает, и разговоры эти не более чем повод пообщаться, и советы не нужны.

– Допивай – и поехали отсюда, – сказала я тоном, не предполагавшим дальнейшее продолжение дискуссии, и неплохо знавшая меня Аннушка поняла – все, пора заканчивать.

Она послушно допила вино, сделавшись при этом даже не слишком пьяной, и помахала официанту, прося принести счет. Молодой человек подошел к столику и, наклонившись, сообщил:

– А ваш счет уже оплачен.

– Да? И кем? – удивленно протянула Аннушка.

– Господином, что советовал вам вино.

Вяземская понимающе кивнула и, подмигнув мне, хохотнула:

– Ты, смотрю, в хорошей форме, даже с затылка ухитрилась мужика развести.

– Надевай плащ, и поехали, – предостерегающе сказала я, накидывая на плечо ремень сумки.

Обсуждать с Анькой этого Маянцева я не хотела. Но теперь придется ему позвонить и объяснить, что подобные фокусы проходят с кем угодно, но не со мной. На собственный обед, пусть и с дорогим вином, я зарабатываю сама.

Глава 6. Снова в деле

Думай только о цели, и для тебя не будет невозможного.

Ямомото Дзинэмон

С каким же удовольствием утром десятого мая я села в поданное на парковку у отеля такси и отправилась в бывший свой офис... Никогда бы не подумала, что такое, казалось бы, рядовое событие, как выход на работу, даст мне столь сильную эмоциональную встряску.

Кукушкин уже был на месте, и в приемной бывшего моего кабинета меня встретила новая секретарша – женщина примерно одних лет со мной, в брючном костюме и кокетливо повязанном на шею платочке.

– Варвара Валерьевна? – спросила она, едва я перенесла ногу через порог. – Проходите, Дмитрий Михайлович вас ждет. Могу я сразу предложить вам кофе?

– Да, спасибо. Простите, вы не представились.

– Лидия Викторовна. Я референт Дмитрия Михайловича и теперь ваш тоже. Пока вы разговариваете, я проветрю ваш кабинет и закрою окно, Дмитрий Викторович предупредил, что вы не любите кондиционеры.

Ого... Однако же Димочка предупредителен – и кабинет уже готов, и кондиционера там не будет. Не удивлюсь, если

эта Лидия Викторовна и кофе сварит так, как я люблю... Ей-богу, мне нравится.

Пока мы мило беседовали с референтом, из кабинета вышел Димочка, приветственно раскинул руки для объятий:

– Варвара Валерьевна, как я рад вас видеть! Нормально добрались?

– Да, спасибо, на такси.

– Так, а вот это уже не дело. Пока машину не купите, я вам отдам водителя, а сам пока за рулем на своей поезжу. Лидия Викторовна, распорядитесь. Водитель, кстати, прежний.

– Это отлично, – обрадовалась я. – С трудом привыкаю к новым людям.

– А я помню, – улыбнулся Димка. – Ну что – давайте обсудим кое-какие вопросы? У меня, кстати, уже и дело для вас имеется. Посмотрите?

– Обязательно!

Меня переполнял энтузиазм и энергия, хотелось немедленно что-то делать, куда-то ехать, рваться в бумагах. Определенно, три года безделья не прошли даром...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.